

ОГОНЁК

№ 43 ОКТЯБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ЭТОМ НОМЕРЕ —
РЕПОРТАЖ О XXII СЪЕЗДЕ КПСС

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 43 (1792)

22 ОКТЯБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

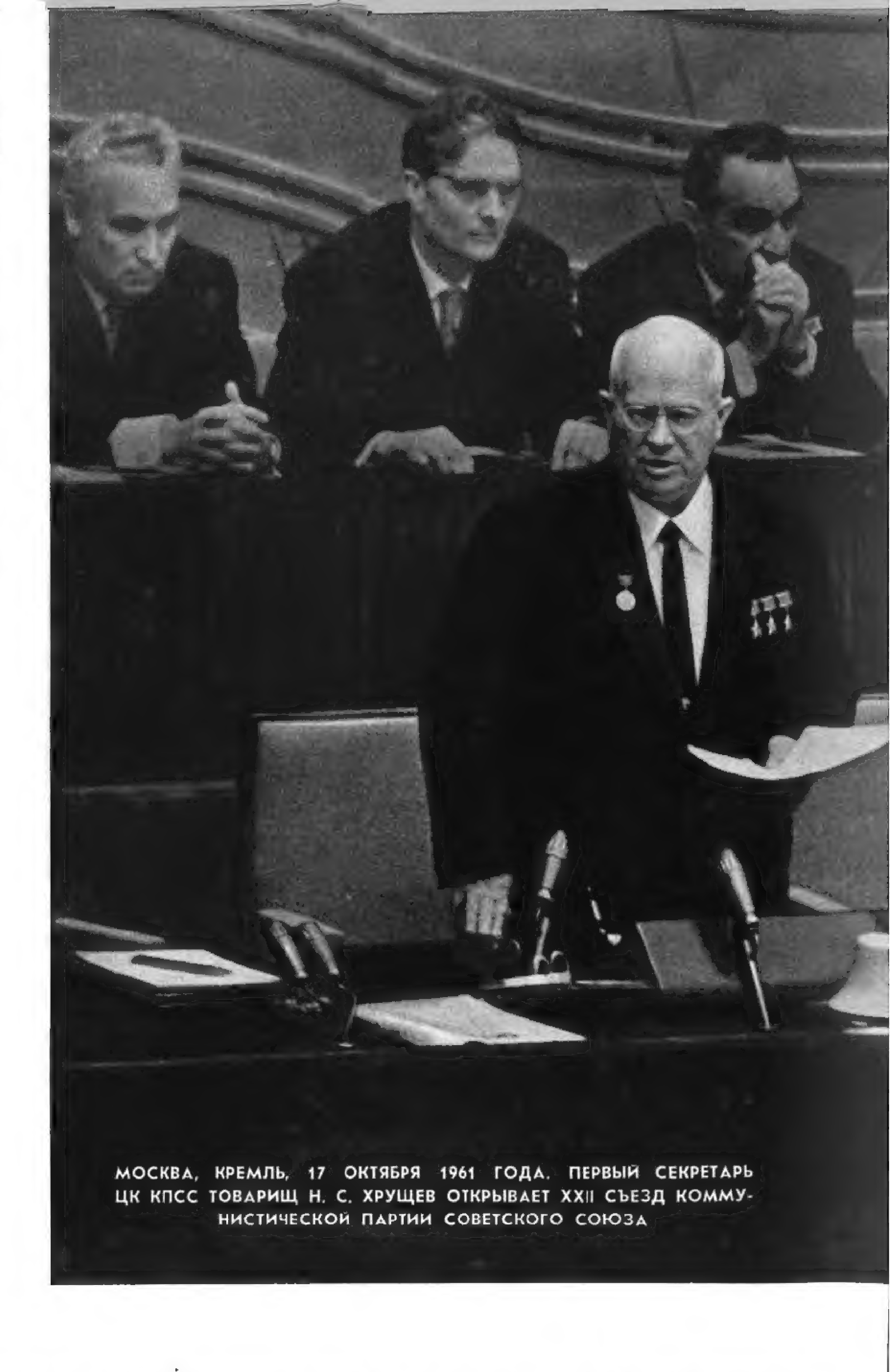
На первой странице обложки: Группа делегатов XXII съезда КПСС от партийной организации Москвы. Слева направо: слесарь завода имени Владимира Ильича С. А. Антонов, картонажница фабрики «Ява» Е. А. Смирнова, машинист электропоезда А. Ф. Егоров, врач З. Я. Якубовская, швея-мотористка фабрики «Красная швея» Е. К. Калиничева, народный артист СССР, режиссер Н. П. Охлопков.

Фото И. Туннеля и Д. Ухтомского.

XXII съезд партии проходит накануне годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Тот факт, что наша партия на своем съезде принимает новую Программу, является показателем всемирно-исторических побед социализма и коммунизма, торжеством дела Великого Октября, новым триумфом марксизма-ленинизма.

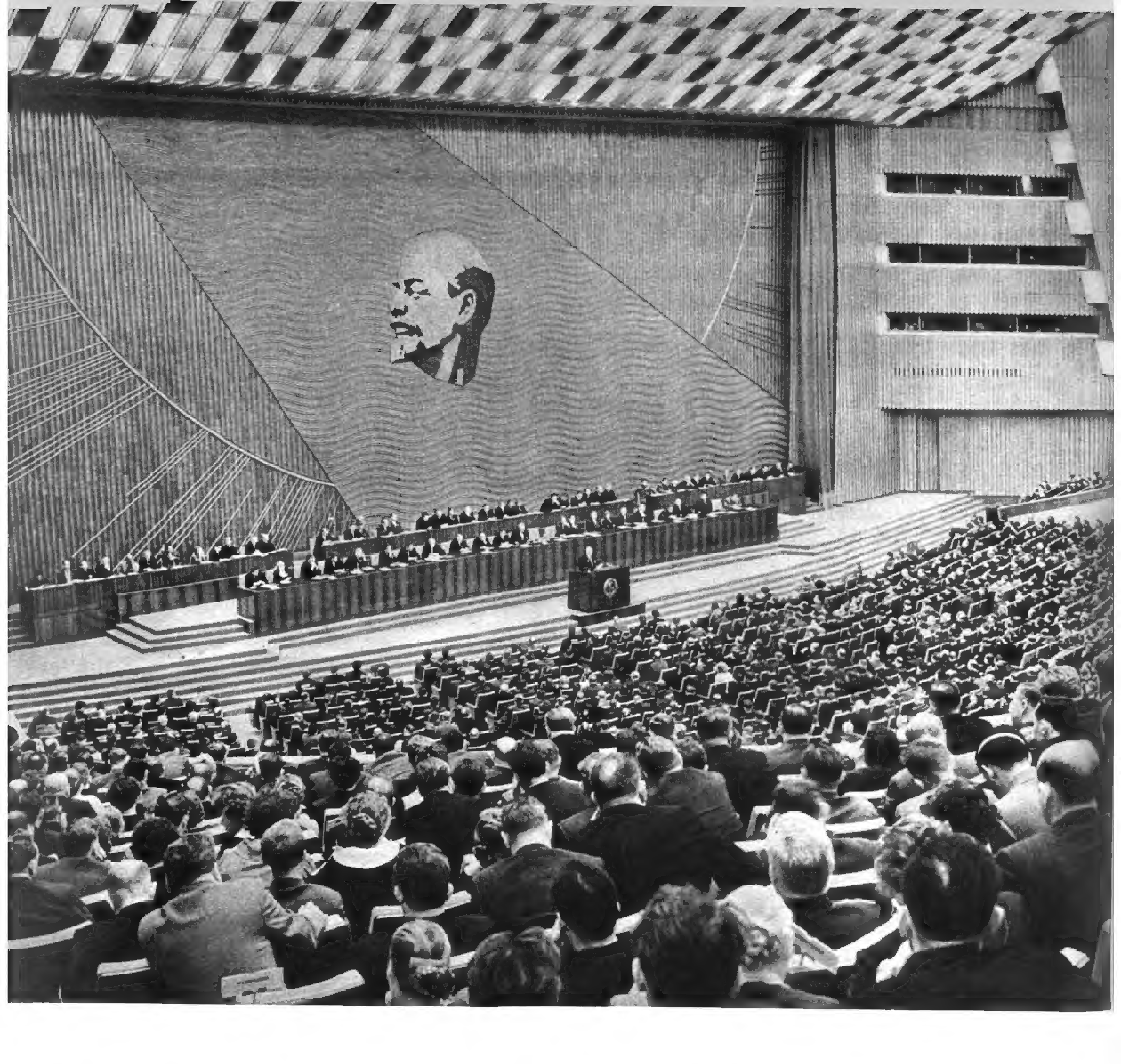
Н. С. ХРУЩЕВ

Из доклада на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 17 ОКТЯБРЯ 1961 ГОДА. ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС ТОВАРИЩ Н. С. ХРУЩЕВ ОТКРЫВАЕТ XXII СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПОД ВСЕПОБЕЖДАЮЩИМ ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА, ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ—ВПЕРЕД, К ТОРЖЕСТВУ КОММУНИЗМА!

XXII СЪЕЗД К

Фото Дм. Бальтерманца, Я. Рюмкина, Д. Ухтомского.

ПСС

СЛАВА!

Съезд — это факел великих идей!
Съезд — это ум миллионов людей!
Съезд — это воля народов державы!
Мудрой наставнице, партии,— слава!

Мы открываем космический век:
К звездам советский взлетел человек!
Родина! Ты заслужила по праву
Славу в сердцах человечества,
Славу!

Мухитдин ДЖАББАР

КУРС— НА КОММУНИЗМ!

ТУРГУМБАЕВ Кабидолла Кублан-улы,
директор совхоза «Целинный», Кустанайской области, делегат XXII съезда КПСС.

Много мыслей вызывает замечательный отчетный доклад ЦК КПСС XXII съезду. Подумаешь о перспективах, ожидающих нашу страну, и дух захватывает.

Каждый советский человек сейчас, вероятно, размышляет над тем, что он лично и коллектив, в котором он работает, могут сделать, чтобы скорей решить грандиозные задачи, поставленные партией. Об этом, конечно, думают и люди нашего молодого совхоза. Он возник в прошлом году. Урожай мы этой осенью собрали хороший. На сто сорок процентов план выполнили. Кукурузе дадим большую дорогу — без нее нет животноводства.

Вы у нас в совхозе не были? Приезжайте. Хотите зимой, хотите летом. А потом и приглашать не придется. Сами захотите снова побывать на нашей земле. Хорошо у нас! И еще лучше будет.

Михаил СМИРНОВ,
директор Института электрохимии Уральского филиала Академии наук СССР, делегат XXII съезда КПСС.

Отчетный доклад, с которым выступил Никита Сергеевич Хрущев, взволновал меня своей человечностью. Для человека, во имя человека работает наша партия.

Я коренной уралец. Родился через год после Октября. Могу сказать, что на моих глазах окраина Российской империи, какой был Урал, превратилась в крупнейший промышленный, культурный, научный центр. Были на Урале и до революции заводы, были великолепные умельцы. Но было и другое — дикость, бескультурье, варварство. Помните, как писал об этом Мамин-Сибиряк?

Сейчас в Свердловске четырнадцать вузов, пятьдесят тысяч студентов. Сорок четыре года — срок небольшой, но сколько сделано!

Меня, рядового армии советских ученых, очень тронули слова благодарности, сказанные Никитой Сергеевичем в адрес нашей науки и ее людей. У нас есть все возможности, все условия для большого творческого труда. Наш долг — порадовать Родину новыми делами. И мы сделаем все, чтобы этот свой долг выполнить.

Тимофей ФАНДО,
бригадир строителей, делегат XXII съезда КПСС.

Наша комсомольско-молодежная бригада построила в Минске около двадцати домов. Сейчас строим микрорайон из силикатных блоков. Хочется, чтобы людям в наших домах было хорошо. И когда слушал я Никиту Сергеевича Хрущева на съезде, одна мысль меня не покидала: ведь жить-то в этих домах люди будут при коммунизме. Какая же высокая требовательность должна предъявляться к нашему труду, труду строителей!

Нам есть где развернуться. Партия уделяет исключительное внимание тому, чтобы покончить с нехваткой жилья, чтобы лучше и лучше жилось советскому человеку. Наша цель — коммунизм.

Владимир КАРАСЕВ,
токарь-наладчик Кировского завода, председатель Совета новаторов Ленинградского совнархоза, Герой Социалистического Труда.

Очень образно, остро высмеял в отчетном докладе Никита Сергеевич Хрущев тех горе-пророков на Западе, которые объявили нереальной нашу семилетку и сели в лужу со своими прогнозами. Советские люди говорят: семилетку выполним досрочно.

Я слушал доклад, и меня не покидало одно большое чувство: какая сила, сила партии, сила народа, стоит за каждым словом Никиты Сергеевича!

Мне лично особенно близки слова Первого секретаря о необходимости шире использовать и пропагандировать опыт новаторов. Я привез в Москву, чтобы раздать делегатам съезда подготовленные нашим ленинградским Советом новаторов рекомендации, касающиеся новых, прогрессивных методов труда. Каждая из этих рекомендаций у нас проверена на сто процентов. Мы за них отвечаем.

Я уже не молодой человек, мне шестьдесят один. Но я обязательно поживу при коммунизме. Лет десять. А может быть, и больше. Ведь при таком строе только и живи!

В перерыве между заседаниями съезда.

ВЕЛИКОЕ СОБЫТИЕ В ИСТОРИИ ПЛАНЕТЫ

Из многих стран земли приехали в Москву на XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза делегации коммунистических и рабочих партий. Среди гостей — виднейшие деятели пролетарского движения, мужественные борцы за счастливое будущее человечества.

— Каково, по вашему мнению, значение XXII съезда КПСС? На этот вопрос «Огонька» отвечают:

Сандзо НОСАКА,
председатель ЦК
Коммунистической партии Японии

Важнейшая миссия XXII съезда КПСС — принятие новой Программы. Я был восхищен, прочитав ее проект.

Под руководством Ленина и созданной им партии ваш народ совершил Октябрьскую революцию, построил социалистическое общество, а теперь успешно строит коммунизм. Новая Программа, представленная на обсуждение съезда, делает реальным и осязаемым высший идеал человечества — коммунистический строй.

Путь, пройденный советским народом, грандиозные победы первого в истории социалистического государства — великий пример для всех народов. Его влияние в политическом, идеологическом и организационном отношении трудно переоценить.

Поздравляю читателей «Огонька», всех советских людей с теми удивительными перспективами, которые открывает перед ними проект новой Программы Коммунистической партии Советского Союза. Будущее стало для вас близким. А это значит, что оно ближе для всех народов, это солнечное будущее — Коммунизм.

Макс РЕЙМАН,
первый секретарь ЦК
Коммунистической партии
Германии

XXII съезд героической, славной партии советских коммунистов — великое событие в истории нашей планеты. Новая Программа КПСС, выдающееся произведение научного социализма, с огромной силой убедительности показывает человечеству дорогу к самому справедливому и самому счастливому обществу. Такое общество будет построено, в этом нет сомнений. Триумфальные свершения советского народа, достигнутые под руководством Коммунистической партии, лучше всяких слов подтверждают это.

Коммунизм — это значит мир. Когда читаешь проект Программы КПСС, чувствуешь, какой большой заботой о мире продиктованы строки этого документа, заботой о лучшем будущем всех народов земного шара. Эта забота лежит в основе политики Советской страны.

Наша партия, Коммунистическая партия Германии, работает, борется в трудных условиях подполья. Многие наши товарищи, в свое время прошедшие нацистские тюрьмы и концентрационные лагеря, сегодня брошены в аденауэровские застенки. Но волю коммунистов не сломить никакими преследованиями, никаким террором. Борьба продолжается, и мы уверены, что демократия, социализм победят и на западе Германии.

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Германии, от имени моих товарищей по делегации приветствую читателей журнала «Огонек». Новых вам успехов, дорогие советские друзья!

Халед БАГДАШ,
генеральный секретарь ЦК
Сирийской коммунистической
партии

Съезды Коммунистической партии Советского Союза всегда имеют важное значение в истории международного коммунистического движения. XXII съезд — событие необычайной, исключительной важности для коммунистов, для всего человечества.

Проект новой Программы КПСС является первым документом, в котором коммунизм предстает не как радостное, но далекое будущее, а как реальная, выполнимая задача, которую советские люди решают уже сегодня. Маркс и Энгельс знали, что коммунизм победит. Но они знали и другое: что не смогут сами присутствовать на торжестве нового общества. И вот сегодня Коммунистическая партия Советского Союза торжественно заявляет: «...Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Так будет.

Утверждая торжество коммунистического общества на земле, советские люди прокладывают всем народам путь к свободе, справедливости, счастью. Человечество никогда не забудет этого.

Семьдесят светлых судеб

Илья КОТЕНКО

Это очень светлая книга: в ней много солнца, простора, степного воздуха и горной чистоты. Она до конца наша, сегодняшняя, современная. С каждой ее печатной страницы, с фотографий и рисунков на вас смотрят умные, живые, молодые, влюбленные в жизнь глаза современника, строителя нового общества, героя наших дней.

Книга так и называется: «Герои наших дней» [1]. В ней более шестисот страниц текста, около ста страниц вкладок — фотоочерков, цветных фотографий, гравюр, рисунков. В ней участвуют писатели и журналисты — Ю. Жуков, Ю. Смуул, К. Симонов, Л. Кудреватых, В. Полторацкий, Е. Рябчиков, В. Попов, Н. Денисов, С. Борзенко, Я. Макаренко, В. Орлов, В. Журавский и многие другие; поэты А. Твардовский, А. Сурков, В. Сосюра, М. Алигер, А. Жаров, Е. Долматовский; художники В. Серов, О. Верейский. Ее, эту книгу, составляли и редактировали виднейшие советские литераторы. Выпущена она в свет издательством «Правда» и посвящена XXII съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Много добрых раздумий вызывает эта книга. Нельзя, например, не порадоваться возросшему мастерству очеркистов, представленных в этой книге, хочется от души поздравить весь рабочий коллектив типографии газеты «Правда», который показал высокий полиграфический класс и вкус в работе над этой книгой. Похвалы заслуживают и художники-оформители и составители, отобравшие самое лучшее из того гигантского потока повествований о нашем современнике, который хлынул в редакцию газеты «Правда» после ее обращения к писателям, деятелям науки и культуры, журналистам с призывом принять участие в создании произведений о героях наших дней.

Радует и другое.

Когда-то Горький мечтал о таком коллективном труде литераторов, который мог бы воссоздать в литературе во всей широте и размахе те величайшие преобразования, начавшиеся на земле социализма, передать во всей глубине и сложности черты нового, утверждаемого в жизни человеком социализма. Такие книги, рожденные совместными усилиями писателей, выходили в свет и при жизни Горького и продолжают выходить сейчас. Это уже стало традицией нашей очерковой литературы, примечательной чертой творческого процесса. И радуешься, что книга, о которой идет речь, достойно продолжает это благородное дело, начатое Горьким.

В книгу вошли самые лучшие очерки, опубликованные за последнее время в «Правде», в центральных, областных, краевых, республиканских газетах и журналах, о героях нашего времени. Напечатанные в свое время, так сказать, порознь, в разных краях, некоторые из них могли и не произвести чересчур сильного впечатления, но соединенные вместе, поставленные в один ряд и подчиненные единому творческому замыслу, они открывают такую перспективу нашей жизни, создают такой цельный и единый характер советского человека, что просто дух захватывает.

«...Познакомившись с первым же описанным в ней героем,— пишет в предисловии к этой книге Б. Полевой,— вы как бы шагнете в прекрасное завтра нашей Родины, которое мы так вдохновенно строим, познакомитесь с людьми коммунистического склада, коммунистической поры».

Семьдесят очерков в основе этой книги. Семьдесят человеческих портретов, семьдесят светлых судеб, увиденных литераторами в многомиллионных колоннах строителей коммунизма.

Один только перечень героев занял бы несколько страниц. Здесь и «небесные братья» Юрий Гагарин и Герман Титов, и Игорь Курчатов — академик атомного века, и «железный прораб» Мельников, и знатный шахтер Мамай, и сталевар Привалов, наконец, выдающиеся представители колхозной гвардии — Долинюк, Ахунова, Довжик, Мануковский и многие другие, чьим трудом славится наше время. В этом смысле книга является настоящей энциклопедией знаменитых людей страны социализма второй половины XX века. Но что особенно дорого: рядом с прославленными героями, как и в жизни, стоят на страницах этой книги совершенно новые, мало кому до этого известные имена тружеников, чьи дела и жизнь не менее интересны и удивительны, чем у их знаменитых «соседей».

Сильные, волевые люди, поражающие своей убежденностью, кристальной чистотой, самоотверженностью и бескорыстием, встают перед читателем, вызывая желание знать о них больше, желание подражать им. И в этом отношении трудно переоценить значение этой книги в деле коммунистического воспитания молодого поколения. Своим появлением в свет эта книга как бы вступила в тот всенародный разговор о новой, коммунистической морали, который развернулся во время подготовки к XXII съезду КПСС, и высказала свое живое, веское и убедительное слово.

Книга «Герои наших дней» — это первая ласточка. По мере накопления материала ежегодно будут формироваться последующие сборники. Можно только порадоваться такому решению, как и выходу первой книги этой примечательной серии — чудесному подарку съезду партии от всего большого, по-настоящему творческого коллектива писателей, журналистов, издателей, рабочих, которых и хочется сердечно поздравить с большой и настоящей удачей.

---

[1] «Герои наших дней». Издательство «Правда». Редакционная коллегия: П. Сатюков, В. Степанов, С. Селюк, С. Сутоцкий, Н. Абалкин, Н. Козев, В. Аверченко, Л. Соболев, К. Симонов, Б. Полевой, В. Галин. Составители: М. Черненко, Ю. Лукин, К. Гусев, Л. Кудреватых, Я. Макаренко, Художники: Г. Федоров, С. Сахарова. Москва. 1961.

В. И. Ленин выступает на митинге, посвященном закладке памятника

ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ ПАМЯТНИКА

В. ВЛАДИМИРОВ

Суббота Первого мая 1920 года была знаменательной. В этот день сотни тысяч рабочих Москвы, Петрограда, Нижнего Новгорода, Саратова и других городов России вышли на всероссийский субботник, подготовку к которому провела специальная комиссия во главе с Ф. Э. Дзержинским.

Только в одной Москве в этот ясный, теплый весенний день свыше четырехсот тысяч рабочих участвовали в субботнике. Участвовал в нем и В. И. Ленин. Он подавал пример коммунистического отношения к труду. «Ничто не помогло так повысить авторитет коммунистической партии в городе, так поднять уважение со стороны беспартийных рабочих к коммунистам, как эти субботники...» — говорил Владимир Ильич.

К этому всероссийскому дню коммунистического труда была приурочена закладка в Москве памятника основоположнику научного коммунизма Карлу Марксу.

К двум часам дня на Театральную площадь (ныне площадь Свердлова) стали стекаться толпы народа, как писала газета «Коммунистический труд», «разместившиеся бесконечными рядами вокруг трибуны».

На специальном постаменте стояли гипсовая модель памятника и мраморная доска с надписью: «1-го Мая в 3-ю годовщину диктатуры российского пролетариата, волею трудящегося народа, на этом месте закладывается памятник великому вождю и учителю мирового пролетариата Карлу Марксу. Совет Народных Комиссаров и Московский Совет Рабочих и Красноармейских депутатов».

В 2 часа дня прибыли В. И. Ленин, члены Совнаркома, ВЦИК и президиума Московского Совета.

Появление на трибуне Владимира Ильича было встречено бурными аплодисментами и торжественным маршем, исполненным военным оркестром.

В краткой речи Ленин указал на огромное значение Карла Маркса как вождя социализма. Он говорил о том, что Маркс, проживший свою жизнь в изгне-

Карлу Марксу в Москве.

В. И. Ленин 1 Мая 1920 года на Театральной площади (редкий снимок).

нии, посвятил ее доказательству того, что капитал изжил себя и ему на смену идет свободный труд.

История не сохранила полный текст ленинской речи. Только скупые газетные отчеты передают нам ее общее содержание и маленький кусок текста. Вот что писала газета «Известия» 4 мая 1920 года:

«В день международного праздника труда,— говорил В. И. Ленин,— когда мы хотим доказать всем, что мы сумеем решить задачу организации социалистического общества трудящихся, мы чествуем память Карла Маркса. И я уверен, что памятник, закладываемый нами, великому учителю, послужит призывом к тому, чтобы все ваше внимание было обращено на необходимость долго трудиться: чтобы создать то общество, при котором не будет места эксплоатации».

Выслушанная с глубоким вниманием, речь Ленина была покрыта бурными аплодисментами. После выступления Владимира Ильича под звуки «Интернационала» была произведена закладка памятника.

В подготовленное для фундамента место была положена мраморная доска и первый камень памятника — гранитный массив с высеченной надписью: «Первый камень памятника великому вождю и учителю пролетариата Карлу Марксу».

Воплощение идеи

В конкурсе на памятник Карлу Марксу был признан лучшим проект скульптора Л. Кербеля и архитектора Р. Бегунца (см. рисунок на 2-й странице обложки).

Скульптура должна была создаваться из монолита. Начались нелегкие поиски гранитной глыбы высотой метров в восемь. На Днепропетровщине в Кудашевском гранитном карьере такой камень был найден.

В Москве монолит установили на площади Свердлова, там, где Владимир Ильич Ленин в 1920 году заложил памятник основоположнику научного коммунизма Карлу Марксу.

...Когда памятник был, казалось, уже доведен до необходимого сходства с гипсовой моделью скульптора, Кербель сказал: «Теперь начинается самая трудоемкая и сложная работа».

И действительно, каждый неточный расчет, неловкий удар мог загубить весь проделанный труд.

Медленно, удар за ударом отделяя капельки мрамора, проверяя то и дело размеры с помощью пунктировочного приспособления, резчики повторяют на граните линии, перенесенные со скульптуры.

В последние дни Кербель сам доводит скульптуру до абсолютной тождественности с гипсовым оригиналом.

Дальнейшая работа над памятником — у подножия монумента. Не смолкая, гремят пневматические инструменты и, словно мячики, отскакивают от скарпелей молотки, наполняя металлическим стрекотом площадь.

В связи с установкой памятника на площади Свердлова реконструируется сквер. Вокруг площадки, где возвышается монумент, сверкает лента из полированного мрамора. В сквере установлены длинные мраморные скамейки. Вся площадь вокруг памятника выкладывается из цветного мрамора и цветного асфальта. Со стороны фонтана, где теперь посажены розы, к монументу идут гранитные ступени. Кругом зелень, цветы.

М. ЯКОВЛЕВ
Фото автора.

→

Бригадир такелажников И. Рой, скульптор Л. Кербель и архитектор Р. Бегунц проверяют по чертежам установку гранита.

САМОЛЕТЫ НАД ИСТ-РИВЕР

Борис ИВАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Встречи на улицах

Утром разбудил гул реактивных самолетов. Вспомнил, что американские газеты писали накануне: «Военно-воздушные силы США завладели небом Нью-Йорка для маневров». Но самих самолетов не видно. Низкие черные тучи заволокли верхушки небоскребов, отчего город как бы пригнулся, стал казаться меньше ростом. На улицах зажглись огни реклам.

В течение всего дня проходили маневры. Они охватили огромную территорию США и Канады. Все гражданские аэродромы были закрыты. В воздухе находилось две тысячи истребителей.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» побывал у призывников.

— Мы только пешки, в худшее не верим,— сказали они.

А их командир после некоторого раздумья заметил:

— В сороковых годах было другое настроение.

В книжный магазин на Лексингтон авеню завезли новую партию книг о советской позиции по германскому вопросу. Сборник включает главные документы и речи Н. С. Хрущева.

— Книга эта быстро расходится,— сказал хозяин магазина мистер Рубел,— но особенный интерес вызвала брошюра с Программой КПСС. Вот взял еще шестьсот экземпляров. И их быстро продам. Мы хотим получше знать, что там у вас, в Москве, делается.

К новостям из Москвы здесь, в Нью-Йорке, сейчас нет равнодушных. Слова «Советы», «русский», «коммунизм» слышишь всюду: развернешь ли газеты, включишь ли телевизор, заговоришь ли с кем в магазине, баре, ресторане, на строительной площадке. «Нью-Йорк геральд трибюн» напечатала статью Уолтера Листера, в которой рассказывается об активности советских людей в связи с опубликованием «грандиозной программы построения коммунизма», излагаются некоторые положения Устава КПСС.

Конечно, высказываются разные мнения. Гарри Шварц, например, в многополосной статье, опубликованной в воскресном приложении к газете «Нью-Йорк таймс», пытается еще больше запутать и так достаточно запутанных антисоветской пропагандой американцев.

Запутывать людей нечестно. Но еще хуже их запугивать. А то, что американцев довольно-таки основательно запутали и запугали, ясно видно по тому, с какой осторожностью разговаривают они с советским человеком. Познакомились мы в кафе «Шоп» с коренным ньюйоркцем, назвавшим себя Базилем. Чувствовалось, что очень уж ему хочется узнать из первых рук правду о нашей стране. Но в то же время страшно и показать эту свою заинтересованность. Поэтому, нарочито нахмурив свои густые брови, он сказал:

— Вы весело между собой разговариваете потому, что вы коммунисты. А как остальные русские?

Мы ему ответили, что да, мы коммунисты и этим счастливы. А что касается русских вообще, то дома они бывают значительно веселее, им там свободнее дышится.

— Но не говорите так. Свободней Америки нет страны. У нас нет карточек, а в СССР без карточек покупают товары только коммунисты. Уж я-то знаю.

Два года назад такого в Америке я не слышал. Откуда это? Не иначе как мистер Базиль начитался статей, подобных статье Гарри Шварца. Но подлинный смысл вопросов мистера Базиля мы разгадали чуть позже, когда наш собеседник, наклонившись над столом, вдруг сказал:

— Опровергайте меня, расскажите наконец, как вы живете на самом деле! Сам я уже ничего понять не могу.

А когда за соседний столик с чашечкой кофе сел молодой человек с тонкими усиками над верхней губой, мистер Базиль поспешно встал, сославшись на важные дела, и, прощаясь, громко произнес:

— Так вот, я говорю, нет на свете страны свободнее Америки.

На 45-й стрит, над эстакадой у Центрального вокзала, строится небоскреб. Высотники в серебристых металлических касках монтируют из стальных конструкций уже 18-й этаж. Направляясь к Ист-Ривер на очередное заседание Генеральной Ассамблеи, я задержался возле стройки. У паренька с отбойным молотком в руках спросил, как идут дела.

— Сегодня о'кей. Работаю.

Сказал ему, что я русский журналист.

— Рашен? О'кей! В Москве много новостей. Как Москва относится к нам?

— К вам хорошо.

— Мы тоже к вам относимся хорошо. Только с этими нельзя договориться,— сказал он, показывая на гранитный брус.— Люди поймут друг друга. Ну, мне пора.

Молоток в его руках задрожал, врезаясь в гранит.

Для беспокойства есть причины

За высокой кафедрой цвета морской волны — место президиума Ассамблеи. Ударом деревянного молоточка председатель дает знать, что очередное заседание сессии открыто. Председатель Монжи Слим предоставляет слово министру иностранных дел Кубы Раулю Роа.

Обычно главный зал ООН, где проходит общеполитическая дискуссия, полупустой. Но сегодня он полон. Что касается гостей, то их пришло даже с избытком. Значительно больше, чем всегда, на балконе и блюстителей порядка.

Голос освобожденного народа Кубы со вниманием слушают на всех континентах. Счастье стоило многих жертв и много крови. Вот почему кубинцы особенно дорожат им, берегут его, как зеницу ока. А проявлять им беспокойство за свое счастье есть много причин. В зоне Панамского канала, в Никарагуа, Гватемале, во Флориде готовятся вооруженные банды интервентов. Вынашивается план убийства Фиделя Кастро.

После непродолжительного затишья вновь можно прочитать недоброе по адресу Кубы и на страницах некоторых американских газет.

Государственный секретарь Дин Раск проводит консультации с правительствами латиноамериканских стран. Какие консультации? Ответ и на этот вопрос дал в своем выступлении Рауль Роа.

— США оказывают давление на Латинскую Америку, чтобы она порвала дипломатические отношения с Кубой.

Не всем сидящим в главном зале ООН было по душе выступление министра иностранных дел Кубы Рауля Роа. Но когда он сказал, что Куба полна решимости до конца защищать свою независимость, вспыхнула овация. И в этом горячем одобрении оратора растворилось молчание недоброжелателей.

«Шапка-невидимка»

По правую руку от председателя Ассамблеи — место генерального секретаря ООН. Сейчас оно пустует. В кулуарах XVI сессии много говорят о том, кто же его займет. Энергично высказываются мнения, что структура секретариата должна быть изменена. При разговоре о кандидатуре на пост секретаря часто спрашивают, в чем же все-таки причина гибели Дага Хаммаршельда.

Но исчерпывающего ответа услышать пока никому не удалось. Итогов расследования причины гибели Дага Хаммаршельда до сих пор еще нет. Можно лишь сопоставлять факты, строить догадки, не делая окончательных выводов.

Незадолго до гибели Д. Хаммаршельда заметно изменился тон статей в английских, французских и бельгийских газетах, посвященных деятельности генерального секретаря. Благожелательность и чрезмерное восхваление вдруг сменились брюзжанием и недовольством. В небе Катанги появились реактивные истребители, управляемые бельгийскими и родезийскими летчиками, которые нагоняли страх на офицеров войск ООН.

От города Леопольдвиля до Ндолы предстояло пролететь 1 300 километров. Последний старт самолет генерального секретаря взял ночью. Днем лететь почему-то не решились. Через четыре часа показались маяки аэродрома Ндолы. Но наземная служба разрешения на посадку не дала. Самолету пришлось свернуть в сторону. Больше над Ндолой он не появлялся.

Его обломки нашли лишь через 15 часов в семи милях от Ндолы. Не слишком ли затянувшийся поиск? Ведь пропал не торговец с Бродвея, а генеральный секретарь Организации Объединенных Наций. А если бы постарались? Не остался ли бы тогда в живых единственный человек, уцелевший из группы Д. Хаммаршельда? Не приоткрыл ли бы он завесу над тайной?

Но и этот единственный, как только приходил в сознание, получал очередную порцию снотворного. Правда, он все же успел сказать, что перед крушением самолета слышал взрыв.

В теле одного из членов экипажа была обнаружена пуля.

«В самолете находились боеприпасы. Они, видимо, взорвались. Отсюда и пуля»,— делает заключение комиссия.

«Не совсем точно,— говорит шведский эксперт.— В этом случае пуля не пробьет даже картонного ящика».

В общем, виновники смерти Дага Хаммаршельда пока не известны. Последнего своего слова комиссия еще не сказала.

Есть старая сказка про «шапку-невидимку». Кто ее наденет, тот сразу скроется от глаз людских. Но ведь «шапки-невидимки» бывают только в сказках.

Делегаты XVI сессии ищут путь к тому, как изменить структуру секретариата, чтобы сделать его действительно эффективным исполнительным органом. Советская делегация предложила единственно правильное решение — принцип тройки. Соединенные Штаты попытались применить диктат: не считаясь с мнением СССР, протащить кандидатуру на пост исполняющего обязанности генерального секретаря сразу через Ассамблею, минуя Совет Безопасности. Но афро-азиатские страны заявили, что ни о какой кандидатуре без согласия Советского Союза и речи быть не может. Пришлось отступить. Тогда США выдвинули новый мотив: так как среди заместителей генерального секретаря будет и представитель СССР, он-де станет пользоваться правом вето.

Чтобы не потопить в спорах важного вопроса, Советский Союз согласился на увеличение количества заместителей. Согласился он, внеся некоторые поправки, и с меморандумом группы стран, где излагались процедура назначения генерального секретаря и текст его заявления о принципах деятельности до фактического вступления на высокий пост.

Казалось, наконец найден делу венец. Но не тут-то было. Как сообщило агентство Ассошиэйтед Пресс, положение о заявлении кандидата включено в меморандум из-за ошибки машинистки.

Оказывается, машинистки иногда бывают дальновиднее искушенных политиков. Почему бы в таком случае политикам не прислушаться к разумному голосу машинистки?

Нью-Йорк, октябрь.

«Огонек» на Уралвагонзаводе

Выступает М. Самойлов.
Фото Г. Скороходова.

Большой дружеский разговор с читателями нашего журнала состоялся во Дворце культуры Уралвагонзавода в Нижнем Тагиле. Здесь на одном из крупнейших предприятий Урала у «Огонька» более тысячи подписчиков.

Конференцию читателей открыл секретарь парткома И. В. Хромов. О работе редакции «Огонька» рассказал главный редактор журнала А. Софронов.

Пожелания журналу высказали в своих выступлениях мастер цеха М. Самойлов, лаборантка цеха чугунного литья А. Лев, бухгалтер З. Безручко, учитель К. Махров, конструктор Н. Жолобова, пенсионер И. Шумский, библиотекарь молодежного городка Нижне-Тагильского металлургического комбината З. Журавлева, старший воспитатель рабочего общежития Н. Борщ, инженер БРИЗа Ю. Феофилактов.

В конференции приняли участие поэт Сергей Смирнов, писатель В. Очеретин и корреспондент журнала «Огонек» А. Григорьев.

В заключение состоялся большой концерт молодых артистов уральской государственной консерватории.

М. Короткова (Ленинград). К ГРАЖДАНАМ РОССИИ.

С ВЫСТАВКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

Л. Кривицкий (Ленинград) ЭНТУЗИАСТЫ. КОМСОМОЛЬЦЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

АНГЛИЧАНИН ЧИТАЕТ ПРОГРАММУ

Кони ЗИЛЛИАКУС,
член английского парламента

Я хочу попытаться рассказать читателям «Огонька» о мыслях и чувствах английского социалиста, возникших при чтении проекта новой Программы КПСС.

Я достаточно старый человек, чтобы помнить о том, как реагировал Запад на первую программу русских коммунистов.

Теперь я встретился лицом к лицу с **третьей**, с ее захватывающим дух размахом и поражающей смелостью перспективой. И я, конечно, знаю, что фоном, основой для нее служат грандиозные достижения Советского Союза при осуществлении **второй**, послеоктябрьской программы.

Я говорю, что помню первую программу, принятую российской рабочей партией в 1903 году, но здесь не обошлось без преувеличения. Мне тогда было всего 7 лет. Я хотел сказать о другом: лишь очень немногие люди среди английских социалистов и социалистов других стран Европы имели тогда ясное представление о русской социал-демократии; даже мало кто знал о Ленине — вплоть до того дня, когда он появился на Финляндском вокзале в Петрограде в 1917 году.

Но зато я хорошо помню лично, как 8 ноября того же года английская печать сообщала, что в Петрограде произошли «беспорядки», вызванные «кучкой экстремистов», не то анархистов, не то большевиков. Газеты добавляли, что «мятежникам» удалось захватить некоторые правительственные здания. Все заканчивалось успокоительными заверениями, что Временному правительству Керенского «потребуется лишь несколько часов, чтобы восстановить порядок».

Так была преподнесена английской публике Октябрьская революция.

На деле, однако, за этим скрывались страх и ярость, охватившие правящие классы при виде того, как призрак коммунизма, бродивший по Европе за столетие до этого, обрел плоть и кровь в России.

Политика слепой вражды к Советскому Союзу оставалась почти неизменной в течение долгих лет.

Я вспоминаю дни, когда Запад узнал о первом советском пятилетнем плане. Лидеры Запада и их печать не жалели «аргументов», доказывая, что это экономическая бессмыслица. Социализм, говорили они, никогда «не будет способен работать», это фантазия ненормальных людей, безответственных экстремистов и вообще каких-то выродков. А когда Гитлер напал на Советский Союз, печать Запада дружным хором заявила, что Советская Армия едва ли продержится более десяти недель. Правда, это подносилось под видом сочувственного «сожаления» — ведь мы были тогда военными союзниками СССР.

А после войны? Лидеры Запада продолжали предаваться неумным иллюзиям. Считали, что государства народной демократии, возникшие в Восточной Европе, будут быстро «усмирены» и капитализм там будет восстановлен в своем первозданном виде. В Китае они делали ставку на Чан Кай-ши. А Советский Союз, рассчитывали они, не оправится от нанесенных войной увечий и за двадцать лет.

Иллюзии, однако, остались иллюзиями, а история пошла иным путем. Китайская революция; пламя антиколониализма, охватившее Азию, перекинувшееся в Африку, Латинскую Америку; советские ракеты, спутники, лунники, советские космонавты; гигантский экономический подъем СССР по ступеням пятилетних планов; успехи новой семилетки и, наконец, ослепительная перспектива, открываемая новой Программой,— можно ли себе представить что либо более удручающее и пугающее для защитников старого порядка!

Но, пожалуй, еще хуже, с точки зрения правителей Запада, то, что со дня на день растет восхищение их народов перед достижениями Советского Союза, растет доверие к миролюбию советских людей. В то самое время, когда правые лидеры социал-демократических партий рассуждают о «модернизации» капитализма, «рядовой» состав их партий все больше убеждается в реальности грандиозных успехов социализма в Советском Союзе.

— Я уже много лет являюсь социалистом,— сказал мне мой товарищ по лейбористской партии Лесли Пламмер после того, как впервые побывал в сентябре этого года в Советском Союзе.— Но только теперь я увидел по-настоящему огромные преимущества социализма перед капитализмом. Вот у нас дома потребовалось семь лет, чтобы построить Вестминстерский мост. И все из-за сделок и махинаций земельных собственников. Наших градостроителей держат за горло финансовые интересы этих частных владельцев, бесстыдно наживающихся на ценностях, созданных не ими, а ростом и развитием городского хозяйства. На каждом шагу нам ставят подножки эти частные интересы. Мы связаны по рукам и ногам устарелой структурой нашего общества... А там, в Советском Союзе? Там мы видим, как развертываются все более грандиозные, дальнего прицела планы, причем есть незыблемая уверенность, что они будут выполнены. Смелость этих планов кажется невероятной, но только до тех пор, как увидишь собственными глазами то, что уже осуществлено на деле.

Новая Программа КПСС уже вошла в сознание людей западного мира. Эмоциональное впечатление от нее — примерно такое же, как от первого спутника. И тем более ярко это впечатление, что фоном для него служат мрачные тучи, сгустившиеся над Западом,— пятимиллионная безработица в Соединенных Штатах, углубляющийся экономический кризис в Англии. Трудно человеку Запада избавиться от мыслей о том, что после войны экономика капитализма продолжает ковылять от кризиса к кризису, причем каждый последующий оказывается «немного хуже» предыдущего. Трудно избавиться от впечатления, что, например, у нас в Англии мы обычно наслаждаемся полной занятостью и относительным процветанием в течение нескольких месяцев до и после очередных выборов, с тем, чтобы потом расплачиваться за это годами застоя и бесперспективности.

Но, думается мне, первое и самое непосредственное воздействие новая Программа окажет в сфере борьбы за мир. Ибо этот документ не оставляет ни малейших сомнений в том, что советский народ и его лидеры не желают войны и страстно стремятся к миру. Прежде всего потому, что советское общество — это разумное общество, верящее в цивилизацию и волю человечества к жизни; во-вторых, потому, что оно считает ненужным и вредным тратить на гонку вооружений огромные средства, столь нужные для блага людей; в-третьих, потому, что советское общество уверено в своем здоровье, и прочности, и в том, что оно способно создать еще более счастливую жизнь, основанную на принципе: «от каждого — по способностям, каждому—по потребностям»; и, наконец, потому, что советские люди надеются, что их пример убедит другие народы мира и обратит их на путь социализма.

В наши дни у каждого человека и у каждого народа есть серьезные основания желать мира. Даже наша капиталистическая пресса должна была признать это в своих комментариях по поводу новой Программы. Один английский государственный деятель как-то утверждал, что стремления народов и государств основываются на некоем своекорыстии, которое он называл «просвещенным эгоизмом». Но совершенно ясно, что не корыстное, а простое человеческое стремление к миру объединяет народ Советского Союза с народами всей планеты. И образ будущего без армий и войн заставляет сильнее биться сердца всех.

Подытоживая сказанное, я хочу призвать к тому, чтобы мы в Англии и вы в Советском Союзе, вместе со всеми миролюбивыми людьми на земле — а таких много больше, чем кажется на первый взгляд,— объединили свои усилия в борьбе за то, чтобы разногласия между Западом и Востоком были решены на почве переговоров, а не в огне истребительной войны. Это относится и к вопросу о германском договоре и Берлине, и к вопросу о разоружении, и к вопросу о мирном сосуществовании государств. Это — необходимое условие для успешного осуществления воодушевляющей все народы новой Программы Коммунистической партии Советского Союза и для торжества социализма и мира повсюду.

Лекция лордам

Евгений Андрианович пришел с завода поздно: сейчас в центральном инструментальном цехе Кировского завода дел полным-полно. К XXII съезду КПСС кировцы осваивают новые машины, автоматизируют трудоемкие процессы. А инструментальный цех оснащает станочников и механизаторов точнейшим инструментом.

Е. А. Белецкий работает в этом цехе лекальщиком самого высокого [illegible]

Но завтра он придет домой вовремя. Иначе нельзя. На письменном столе лежит записка. Дочь напоминает отцу о звонке из Дворца культуры имени Горького. Ровно в восемь вечера он должен читать там лекцию о массовом восхождении на Эльбрус. А вот и афиша: «...Лекцию читает действительный член географического общества, заслуженный мастер спорта, рабочий Кировского завода Е. А. Белецкий».

За три с половиной десятилетия работы на заводе Белецкий стал не [illegible] и отличным спортсменом. В минувшем году отряд физкультурников — 1 400 человек — поднялся на вершину Эльбруса. Руководил этим беспримерным массовым восхождением Белецкий. Походы на Эльбрус для Евгения Андриановича — привычное дело. Он забирался и выше, на пик Ленина. Поднимался и на Мустагат — «отца ледяных гор» — в Западном Китае.

Отважного спортсмена знают в Англии, Китае, Японии... Его книги о советских альпинистах переведены на многие языки. Как-то Белецкий читал лекцию в старейшем альпинистском клубе, в Лондоне. Его слушали студенты Кембриджского университета, шотландские спортсмены, английские лорды. Когда лорды узнали, что Белецкий — рабочий, по залу пробежал шум удивления, кто-то выкрикнул: «Пропаганда».

Белецкий улыбнулся. Сказать бы лордам, что не один он такой. И Карасев, и Дубинин, и Михайлов... Да разве перечислишь всех ленинградских рабочих, которые днем трудятся у станков и верстаков, а вечером читают лекции на самые разные темы?

К. ЧЕРЕВКОВ

ЛЕНИНСК

Молодежь Словакии на Ленинской тропе.

Л. ТОМАШЕК

Осенью Высокие Татры необычайно красивы.

Над величественными горами начинают редеть предрассветные туманы. Будто чья-то рука раздвинула белый занавес над сказочным миром, и из-за шпилей гор выглянуло солнце. Его жаркие лучи пробежали по отвесным скалам, скользнули по темному лесу, коснулись цветов на альпийских лугах, погладили стройные стволы сосен, перескочили быстрый ручеек, заглянули в расщелины скал и потерялись где-то далеко в глубокой долине.

Лучи солнца осветили узкую тропинку ярче, чем тысячи фонарей, сияющих на улице большого и шумного города. Это была твердая каменистая тропа — одна из тех, которые никогда не зарастают травой. Путевые знаки по обеим сторонам тропы уверенно ведут путника, указывая ему правильную дорогу от берегов Штрбского горного озера к Попрадскому, а оттуда тропа через Менгушовскую долину крутыми зигзагами поднимается вверх к другим, затерянным в горах озерам. Становясь немного ровнее, тропа выводит утомленного путника к маленькому бревенчатому строению. Это туристский домик. Здесь можно отдохнуть, набраться сил перед штурмом вершины Рысы.

Однажды трое людей достигли вершины Рысы, и великолепный вид, открывшийся взору, вознаградил их за утомительный труд. На западе легендарный Криван склонял перед ними свою голову, а Беловодская равнина простирала к их ногам изумрудный ковер. На востоке их приветствовал глава татринских великанов Ледяной пик, а следом за ним — Ломницкий пик, Дикая башня, гора Высокая. На севере смятение скал напоминало статуи двенадцати апостолов.

Долго наслаждались этим видом трое путников. Трудно было по виду определить, кто они, но двое были одеты, как заправские альпинисты, а на третьем был обыкновенный городской костюм.

Эти люди, полстолетия назад стоявшие на вершине Рысы, были товарищи Багоцкий и Буцевич, а третий, «городской», — Владимир Ильич Ленин.

В наши дни тысячи молодых туристов проходят по Ленинской тропе и, взволнованные, затаив дыхание, любуются великолепным видом, которым любовался великий Ленин. Для словацких юношей и девушек этот поход стал дорогой традицией. В конце августа, собравшись у подножия горы Солиск, неподалеку от Штрбского горного озера, они разбиваются на группы и начинают свой одиннадцатикилометровый поход, преодолевая высоту почти в полтора километра. В нынешнем году в это славное паломничество собралось свыше десяти тысяч молодых туристов. Право на восхождение по Ленинской тропе получили лучшие из лучших.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

На главную тему

В. ДРУЗИН

Всеволод Кочетов, автор известных романов «Журбины», «Молодость с нами», «Братья Ершовы», опубликовал в журнале «Звезда» свой новый роман «Секретарь обкома». Само заглавие романа может быть воспринято как полемическое. Ведь иной раз появляются в нашей литературной печати рассуждения о том, что, мол, не следует главными героями романов и повестей делать «начальствующих» лиц, ответственных партийных и советских работников, а надо ограничиваться изображением лишь рядовых тружеников города и деревни.

И вот роман о секретаре обкома. По существу, даже о двух секретарях. У каждого из них свой характер, свои принципы работы. Почему же нельзя об этом писать?

Всеволод Кочетов в своих романах всегда брал горячие, животрепещущие проблемы современности. Его книги всегда вызывали живой интерес читателей, вокруг них всегда возникали споры, завязывались дискуссии. Новый его роман, написанный по следам самых последних событий нашей жизни (действие его заканчивается ко времени январского Пленума ЦК КПСС, то есть к началу 1961 года), вероятно, тоже привлечет внимание читателей остротой выдвинутых проблем, живостью повествования, яркостью изображенных характеров.

...Василий Антонович Денисов избран первым секретарем обкома недавно. Он имеет меньше опыта, чем, например, первый секретарь соседней области Артамонов. И Денисов старается понять принципы работы известного, даже прославленного Артамонова, удостоенного звания Героя Социалистического Труда.

Наперекор некоторым литераторам, проповедующим теорию «отмирания» жанров семейного романа и романа судьбы, Всеволод Кочетов изображает своего главного героя так, чтобы читатели и семейный быт его узнали и заинтересовались всей жизненной судьбой партийного работника, его прошлым, настоящим и будущим.

Первый секретарь обкома должен постоянно думать и о сельском хозяйстве, и о промышленности, и о культуре. Круг его обязанностей чрезвычайно широк.

Как быть с молодым способным поэтом Виталием Птушковым, пишущим на потребу меценатству пошлые, декадентского пошиба, но внешне эффектные стихи, могущие соблазнить незрелого молодого читателя? Надо его воспитывать, перевоспитывать, а как? Ведь Птушков считает себя правдоискателем, правдолюбцем, различных начальников презирает как закоренелых, черствых бюрократов и, согласившись поехать в деревню, там ничего хорошего не видит, оставаясь в пределах своего мелкого замкнутого мирка. И вдохновляется он в деревне не делами передовых колхозников, а своими личными обидами и сочиняет пасквиль на секретаря обкома.

Сложной и душевно трудной оказалась для Денисова его дружба со старым военным товарищем Суходоловым. Когда-то на поле боя Суходолов, рискуя жизнью, вынес из-под огня тяжелораненого Денисова. С тех пор прошло много лет. Суходолов стал директором большого завода в том го-

Всеволод Кочетов. Секретарь обкома. Роман. «Звезда», 1961, №№ 7—8—9.

ИЕ ТРОПЫ

На алюминиевом заводе.

Поход этот — символ. Ведь подъем на вершину Рысы требует отваги, упорства, а это качества настоящих людей, смело преодолевающих все трудности в своем стремлении ввысь, к вершинам [illegible]

Разве Владимир Ильич не стремился к тем же вершинам? А когда он достигал их, то разве не вставали перед ним еще более грандиозные вершины?

В этом вдохновенном и напряженном стремлении достигнуть вершин, в этом умении мечтать кроется великий символ. Только на вершинах живет мечта.

С вершины Высоких Татр увидел Владимир Ильич не только красоту наших гор. Он увидел то, что было скрыто за горизонтом,— красоту и величие наших сегодняшних дней, нашей борьбы и побед.

Трудный и непроторенный путь избрал себе великан Ленин. Трудный и непроторенный путь избрали себе его последователи — нынешние строители социализма и коммунизма. И по этим трудным, прекрасным путям идет наша Чехословацкая Социалистическая Республика.

Пойдем вниз, в города, которые были скрыты в те далекие дни горами и туманами.

Словакия была тогда самым убогим закоулком Австро-Венгерской империи. Это был край пастухов, овец, странствующих коробейников, нищих лудильщиков, крестьян. А теперь?

Пойдемте. Посмотрите: там, за Татрами, простирается Восточная Словакия, когда-то самая бедная окраина нашей страны. Кошице. Город, новые строительные участки которого измеряются сотнями гектаров. Здесь растет самая удивительная стройка наших дней; равной ей нельзя найти во всей истории страны. После Остравы это будет вторая металлургическая база Чехословакии.

За Кошице поднимаются стены заводских цехов, в конце третьей пятилетки (к 1965 году) загорится огонь в домах, начнут плавиться первые тонны руды, закипит работа на усовершенствованном прокатном стане.

Между тем в Остраве чешские специалисты учат словацкую молодежь. С их помощью молодые люди станут квалифицированными мастерами своего дела: сталеварами, коксовщиками, прокатчиками. Может быть, по вечерам они будут учиться в институте. А в это время в Кривом Роге советские товарищи борются за повышение добычи руды. Наш металлургический завод будет работать на криворожской руде. С братской помощью Советского Союза производство чехословацкой стали в 1965 году превысит десять с половиной миллионов тонн, и таким образом мы догоним и перегоним капиталистические страны.

Итак, эта тропа ведет к Кошице. Она не зарастает травой. А другая тропинка ведет на запад от татринской горы Рысы. Тропинка пробирается через края, от которых наша республика ничего хорошего не унаследовала. Здесь нужно было начинать с искоренения нищеты. В живописнейшем краю, как нищая словацкая женщина, стонала печальная река Орава. Крестьяне пахали деревянными плугами крошечные участки земли, чтобы вырастить немного картофеля или ржи. А когда этого не хватало, чтобы прокормиться, бедняк брал свой ящик с примитивными инструментами и шел чинить кастрюли. Из-за нужды покидали родной край, уезжая далеко за океан. А теперь?

Возвращаются деды из-за океана. Деревянные плуги нашли себе место в музеях. На склонах гор зарокотали моторы тракторов, не боящихся твердой почвы. Потухли в избах свечи и керосиновые лампы и ярко зажглось электричество. Дети тех, кто с трудом читал по складам какой-нибудь календарь и дрожащей рукой считал тяжело доставшиеся геллеры, теперь радостно творят в просторных цехах современного завода. Там делают телевизоры, радиолы. Люди усвоили сложную технику производства, они смело смотрят вперед. В первом году пятилетки здесь только начинали производство телевизоров, а в последнем ее году они хотят увеличить его так, чтобы обеспечивать аппаратами не только нас, но и другие социалистические страны...

Рабочие у доменных печей, у своих мартенов думают, рассчитывают. Утром, в обеденный перерыв, вечером. Они сидят над учебниками, планами и размышляют. Их мысли стоят очень дорого — сотни, тысячи, миллионы. Их можно считать в кронах, в сэкономленном материале, в сэкономленных часах, неделях, месяцах, годах...

Вот с такими людьми, научившимися мечтать и планировать по-ленински, мы строим в Словакии новые домны, первые автомобили, телевизоры, «плавучие гостиницы» — красивые пассажирские пароходы, заводы по переработке никеля, азота, построили нефтепровод «Дружба», по которому еще в этом году потечет советская нефть в Братиславу. Вот так нынешняя Словакия развивает свою промышленность вместе со всей Чехословацкой Социалистической Республикой, вместе со всем лагерем социалистических стран.

Это уже не тропа. Это широкая ленинская дорога, прямой путь в счастливое будущее.

Братислава.

роде, где Денисов был секретарем обкома. Оказалось, что Суходолов — плохой директор, не вникающий в производственные дела, не знающий современной техники. Человек отсталый, склонный громкими словами и призывами заменять необходимую деловитость, Суходолов ведет завод к авариям, к провалу. Надо его отставить, но как быть со старым другом, который спас тебе на войне жизнь? И Денисов не сразу принимает жесткое, но нужное решение. Для него этот отсталый, ленивый, не желающий воспринимать новые веяния жизни человек — все-таки друг, и ссора с ним душевно тяжела. Но принципы дороже всего. Все же медлительность Денисова в решении этого вопроса рождает критику в его адрес и в райкоме, и в заводской партийной организации, и даже на областной партийной конференции.

Умение вовремя увидеть новое, поддержать его необходимо секретарю обкома. Но и в новизне не всегда легко разобраться. Иногда какая-нибудь новинка выглядит очень привлекательно, а разберешься — дело сложное. Когда председатель не очень сильного колхоза, самоучка-художник, энтузиаст внедрения культуры в массы, открыл в колхозе картинную галерею и пригласил на торжества Денисова, тот сказал подобающую речь, а потом задумался: правильно ли и не преждевременно ли тратить средства в таком колхозе на картинную галерею, когда не решены еще многие насущные хозяйственные вопросы?

Много самых разнообразных дел возникает ежедневно у секретаря обкома. И дела эти вызывают сложные душевные переживания.

Всеволод Кочетов изображает своего главного героя человеком интересных мыслей и глубоких чувств. Всегда связанный с различ[illegible] людьми, общительный, скромный, тщательно продумывающий каждое действие и каждое слово, он не склонен к пышным словам, энергичным жестам, поспешным поступкам. Скорее он даже медлителен и порой рассудочен. Это впечатление иногда усугубляется слишком длинными речами, где Денисов и его собеседники теряют непосредственность живого разговора.

Верный себе, Денисов и во взаимоотношениях с секретарем соседнего обкома Артамоновым не сразу доходит до мысли о прямом столкновении с ним. Артамонов — и по темпераменту и по навыкам работы — антагонист Денисова. Привыкший повелевать, шуметь, хвастаться, получать похвалы и награды, самовлюбленный Артамонов, будучи субъективно честным коммунистом, становится героем «показухи» и доводит хозяйство своей области до развала.

Таким образом, в романе «Секретарь обкома» Всеволод Кочетов нарисовал два характера, очень различные, двух секретарей обкомов, показал два типа руководящих партийных работников.

Образы Денисова и Артамонова — главное в романе В. Кочетова. Их удача — удача романа.

Спокойный рассудительный Денисов свободен и от показной шумихи и от ленивой пассивности. Он неуклонно идет вперед, на глазах читателя приобретает опыт руководства. Глубокой человечностью проникнуты его отношения с женой и взрослым сыном. Такую же человечность проявляет он и встречаясь с чужими семейными конфликтами.

Интересны в романе В. Кочетова и некоторые другие образы. Молодой секретарь райкома Владычин, принципиальный до колючести во всех своих отношениях с людьми, председатель колхоза художник Соломкин, передовая колхозница Морошкина, коммунист-писатель Евгений Баксанов — все они имеют неповторимый, индивидуальный облик.

Особо надо отметить удавшиеся автору женские образы. Жена Денисова Софья Павловна — верная подруга, энтузиаст археологических и исторических изысканий. Ее сестра Юлия — взбалмошная, мятущаяся, с трудом нашедшая наконец свое призвание и личное счастье. И молодая девушка, работница Майя,— натура глубокая, полюбившая сына Денисова Александра.

В новом романе Всеволода Кочетова живут и действуют умные, интересные люди, звучат живые слова о многих вопросах нашей современности, показаны дела сегодняшних строителей коммунизма.

Есть в этом романе и положительные герои, и положительные идеалы, и правдивая картина нашей жиз[illegible]

Нина Петровна Просвирякова.

ЛЮДИ XXII СЪЕЗДА

С ЛЮБОВЬЮ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Надежда СВЕТЛОВА

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Шофер был настроен мрачно, и не без причины. Из Новгорода выехали рано. Туман плотно лег на нашем пути. К тому же в моторе стучали пальцы. А как только свернули с магистрального шоссе, дорога на Чудово пошла — кочки да уха-[redacted].

Ищем: улица Иванова, дом №... И не сразу, а покрутившись и попрыгав на окраине, узнаем, что адрес у нас неверный. Без особой надежды (ведь хоть и небольшой, но город) спрашиваю прохожих, где живет Нина Петровна Просвирякова. Удача! Первый же из них объясняет, как проехать к ее дому.

В характере водителя, бесспорно, заложено [redacted] Он сомневается в точности сообщенного адреса, и мы останавливаемся еще и еще раз. И к кому бы мы ни обращались, все объясняли нам, как проехать к дому Просвиряковой. Последний контрольный вопрос — девочка лет пяти, озаряя нас сиянием глаз и новых галош, говорит, что надо остановиться у самого большого дерева на этой улице: там живет Нина Петровна.

И здесь шофер впервые за весь наш путь улыбнулся. Настроение улучшилось. Мне кажется, водитель наконец поверил, что едем мы в гости и действительно хорошему человеку. И захотелось рассказать ему, как вчера в редакции областной новгородской газеты все радовались тому, что мы познакомимся с Просвиряковой, делегатом XXII съезда партии.

— Замечательный она человек. Вот сами увидите. И школа у нее отличная. Ребята все хорошие, послушные. Даже на переменах у них тихо.

Последние слова вызывают скептическое хмыканье шофера. Но я не вступаю в спор.

Вот и дом у самого большого дерева...

— Заходите, пожалуйста. Только я ведь сейчас в школу.

И с первых фраз, немного смущенных, немного нерешительных, является нам милый, добрый, настоящий человек.

— Это все за дела ребят выбрали меня делегатом на съезд партии. Это они хорошо помогли [redacted].

...Мне не хочется задавать вопросы. И разговор по дороге в школу катится как-то сам собой. Я рассказываю про своих детей, Нина Петровна — про своих:

— Семья у нас большая, и так случилось, что надо было помочь родственникам воспитать детей, отцы которых погибли во время войны. Мальчик у нас рос. Валерий. Теперь уж вырос. Кончил школу. Слесарем работает на нашей фабрике «Пролетарское знамя». Взрослый стал, секреты от меня появились. А Саша учится в 8-м классе. Смышленая девочка. Так бы хотелось, чтоб она стала учительницей! Ей как будто нравится мое дело. Только вот говорит, что я много в школе бываю, поздно прихожу домой. Но я обещаю ей: организует время лучше меня — будет меньше работать.

И, как будто предугадывая мой вопрос, который я еще думаю задать или нет, Нина Петровна продолжает:

— Меня иногда [redacted] трудно растить не своих детей? Помните у Фейербаха, а затем у Чернышевского, Писарева есть такое понятие,— улыбается Нина Петровна, — «разумный эгоизм». Мне нравится это определение. Я ведь для себя это делаю — скучно без детей в доме.

И потом, о чем бы ни рассказывала Нина Петровна, выходило так, что все хорошие и, конечно, нелегкие дела она делает для своего удовольствия. А ведь так оно и есть. Потому что устремленность ее души сливается с самой широкой любовью к человечеству. И поэтому ее работа, все хорошее в жизни — это для нее, для ее счастья.

— Я, по правде говоря, просила, чтоб меня освободили от директорства, оставили только на преподавательской работе. Мне кажется, что я не умею достаточно правильно поставить дело в школе. Кто-нибудь другой может, наверное, создать лучший порядок. Почитаешь в журналах, газетах, какие ребята в других школах — послушные, хорошие. А у нас ведь и шумные и озорные есть. Кажется мне порой: это от меня идет, потому что не очень я собранный человек. И никак я не могу повзрослеть. Читала я недавно Саше «Сказочку про Воронушку» Мамина-Сибиряка. Я вообще люблю этого писателя. Говорит там Ворона Канарейке, что она, канарейка, не птица, а только притворяется птицей. Вот и мне иногда кажется, что я только притворяюсь взрослой, солидной. Помню, в институте в Ленинграде я училась и лет мне уже было немало, а выйдешь из аудитории, там коридоры длинные — так бы и помчалась из конца в конец...

Почему-то от этих воспоминаний становится весело. И, глядя на изящную, невысокую, быструю женщину, я думаю, что не иди я сейчас рядом, перескочила бы она через овражек, перемахнула через камень и бегом скорее, скорее в [redacted].

Не знаю, имеет ли это отношение к характеру Нины Петровны, но когда во время перемены я слышала в учительской заразительный смех педагогов, которые собирались этим вечером вместе со школьниками идти в театр, мне казалось, что все здесь по образу и подобию директора. И для всех работа — радость. Такие педагоги придут на урок, и их спокойствие и искренность не смогут не почувствовать ребята.

— Да, работа ваша трудная,— протянула я как-то, чтоб заполнить паузу, образовавшуюся в на-[redacted].

Нина Петровна вежливо согласи-[redacted].

— Но только, знаете,— продолжала она,— я очень не люблю, когда говорят, что работа наша особенная, нервная. А есть такая манера... Профессия у нас, как и [redacted]

Мне хочется побывать с Ниной Петровной в эти дни всюду, где будет она. Времени у меня для знакомства с работой директора школы не так уж много, да и, честно говоря, просто не хочется расставаться с этим человеком.

...Но в райфо меня не берут. Там пойдет разговор серьезный: о гараже для школьной машины, о квартирах для педагогов и о восьмых классах. Их сейчас только два, а учащихся много. В классе занимаются по сорок человек. Педагогам трудно, да и просто парт не хватает.

— Ну, ничего, может, двоих переведем в ту, дальнюю школу, — говорит кто-то из учителей и называет фамилии плохих учеников.

— Нет, нет,— быстро, как-то прямо из души вырывается у Нины Петровны. И ко мне, как бы ища сочувствия: — Если хорошего ученика переведешь — спокойно. Знаешь: будет учиться, как бы далеко ни ходить в школу. А за плохого боишься. Потеряешь его из виду, а вдруг прогуляет, бросит учиться, могут ведь и исключить...

Когда директор возвращается из райфо, я не могу угадать по ее виду, чем кончилась беседа. Она, как всегда, милая, ровная, приветливая.

Разговор с родителями, с преподавателями, звонок начальнику управления «Заготскот».

— Товарищ Рапин, у нас учатся трое рабочих вашего управления. Романов пропустил занятия. Да, давайте вместе. Вашим словом ребята дорожат. Ну, спасибо.

И только позже, уже по дороге в столовую, я узнала, что результаты разговора в финансовом отделе района неплохие. Четыреста рублей ассигновано на гараж (на что денег не хватит — ребята помогут, сделают), с квартирами для преподавателей тоже все в по[redacted]е. А вот о восьмых классах надо еще думать... Так не хочется переводить учеников в другую школу, расставаться с ними!

А ребята хорошие, дружные. И сдружились они не только за учением, но и в труде.

Года три назад ученики чудовской школы № 3 стали помогать соседнему совхозу. Началось это так. Нина Петровна разговаривала с новым агрономом совхоза «Коммунар» Кирой Павловной Ботвиновой. Та пожаловалась: можно было бы летом, когда свиньи на выпасе, в свинарниках выращивать инкубаторских цыплят, да народу мало. Некому присматривать.

— Школьники могут присмотреть,— предложила Нина Петров[redacted]

Агроном усомнилась: ведь надо постоянно работать, а ребята будут приходить ненадолго, то одни, то другие, только грязь приносить.

Но мысль о реальной помощи совхозу не оставляла молодого директора школы. Поговорила с тремя девочками из шестого класса. Подумали, потолковали и вместе решили, что девочки начнут в совхозе работать, а как устанут, их сразу сменят другие. Даже, если они через три дня об этом попросят. Прошло три дня, пять, [redacted] Зайдет Нина Петровна, а девочки к ней — и в слезы: опять погибло несколько цыплят, недоглядели. Через две недели маленькие птичницы решили остаться на все лето в совхозе: ведь самое трудное прошло, цыплята окрепли и как будто даже поумнели, не обижают слабых, привыкли есть вовремя и лечиться.

Девочек ждала победа. В первый год — 94 процента всех инкубаторских кур, а в этом году еще больше — 97 процентов. С работой школьников приехали знакомиться из других колхозов взрослые люди, спрашивали, как же они так хорошо присматривают за цыплятами, оберегают их, выхаживают.

Есть теперь такие бригады в совхозе, в которых только школьники и работают, где и за старшего командуют.

Так хорошо поработали ребята, что о них и в газете написали и по радио рассказали. Старшеклассники в этом году всерьез помогли совхозу. Их с честью встретили в школе.

И обо всем этом рассказывает Нина Петровна. Рассказывает о ребятах, совершенно не вспоминая о той большой учительской работе, которая помогает школьникам прийти к радости труда по мере того, как они проникаются сознанием его полезности. И за их жизнь, за этот труд, в котором воспитывается ум и чувство, в котором ребята обретут силы и счастье, безбрежное в своей полноте, будет голосовать Нина Петровна Просвирякова, поднимая мандат делегата XXII съезда КПСС.

У молодой учительницы Эльвиры Васильевны Смеховской через пять минут ее первый урок.

Вечером за самоваром собирается семья Просвиряковых

Чуден

Строительство Днепродзержинской ГЭС. На снимке: кратеры для турбин.

Двадцать четыре тысячи уток выращено на Голопристанской птицеферме.

Василь МИНКО [illegible] И. КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Трудно писать о Днепре... Разве можно сказать о нем краше, чем Гоголь: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои».

А еще труднее мне, прозаику, соревноваться с Тарасом Шевченко, воспевшим Днепр и при тихой и бурной погоде и при бледном месяце и ясном солнце.

Но меня утешает, что я могу рассказать хотя бы о том, что видел Шевченко лишь в своем пророческом воображении:

> Оживуть степи, озера...
> І пустиню опланують
> Веселії села...

Что нового в Черкассах!

Все народы имеют свою любимую священную реку. Русские — Волгу, индийцы — Ганг.

Я родился далеко от Днепра, долгие годы не видел его, но он всегда жил в моем воображении. Мне рассказывали о нем песни, дед, школа. Потом я увидел его во многих местах: Екатеринославе, Могилеве, Киеве, Каховке, Каневе. И навеки, как родного отца, полюбил его.

В один из прекрасных августовских вечеров я сел на маленький теплоходик «Стрежень», молодой капитан Григорий Оскирко взял в руки штурвал, и единственный матрос на теплоходике Вася Бас отдал концы».

Новое начинается сразу же у подножия могилы Шевченко. Весной этого года сюда дошло Кременчугское море — самое большое водохранилище на Днепре. Но о нем я расскажу попозже, а сейчас сделаем остановку в Черкассах, молодом областном городе Украины.

— Что у вас нового? — интересуюсь в обкоме партии, расспра[illegible]

— У нас все новое! — как истые патриоты своего города дружно отвечают черкассцы.— Сам бывал и знаешь, чем были Черкассы раньше. А теперь...

В моих руках справочник, подтверждающий, чем стали Черкассы теперь. В нем перечислены многие заводы и фабрики, названы строящиеся заводы искусственного волокна, авторемонтный, силикатный, стеклянной посуды и прочие. Смотрю на дату выпуска справочника: 1958 год. Меня поняли, заулыбались.

— К счастью, у нас заводы строятся быстрее, чем печатаются справочники. Поэтому садись в машину, поедем.

Едем на уже действующий завод искусственного волокна. Он вырос вблизи Веселой балки. Это симпатичное название она получила вот за что. Еще несколько лет назад балка находилась далеко за городом. Уставшие путники, дойдя до балки, видели отсюда Черкассы, и им становилось веселее.

Новая улица, ведущая к заводу, также носит приятное название: Аллея дружбы. На ней высажена тысяча осокорей. Их привезли в подарок черкассцам работники сельского хозяйства Быдгощского воеводства Польской Республики.

Черкассцы не остались в долгу перед польскими братьями и подарили для города Быдгощ пятьсот липовых и пятьсот каштановых [illegible]

Вышло так, что мы не застали на заводе никого из руководителей. Одни — на совещании в совнархозе, другие совещались где-то в ином месте. Поэтому я не имею данных, чтобы блеснуть эрудицией в области производства искусственного волокна. Могу лишь сказать, что им, этим волокном, сделанным на заводе за день, можно много-много раз обвить нашу планету.

Черкасщина — густонаселенный крестьянский край. Куда только не убегали раньше безземельные из насиженных гнезд: и в чужие края, и в наши города, на дальние заводы, куда глаза глядят. Теперь заводы сами пришли и приходят в Черкассы, к людям, живущим здесь спокон веков. Верю, что они придут не только в областной центр, но и в Шполу, прямехонько в села, где яблоки и груши гнутся под тяжестью плодов, и плоды эти наполовину пропадают.

В перематывальном цехе знакомлюсь с молодой работницей, девушкой из Шполянского района. Биография ее, как и многих ее подружек, очень короткая: окончила среднюю школу, теперь работница. Самым выдающимся событием в ее жизни была поездка в город Клин на трехмесячные курсы перематывальщиц.

— Довольны работой?

— Очень! — весело отвечает она.— И зарабатываю хорошо и в кино хоть каждый день ходи.

— По отцу-матери скучаете?

— Не успеваю. Они у меня бывают, я часто к ним езжу. Близко.

Во время этого разговора появилась бригадир смены, женщина еще молодая, но очень серьезная и даже мрачноватая. Узнав, кто мы, она отвела нас в сторону [illegible]:

— Про нее, про эту девушку, не пишите.

— Почему? — интересуюсь.— Прогульщица она?

— Нет.

— Тогда, значит, бракодел?

— Тоже нет, но... Веселая чересчур, и язычок того... Есть лучшие.

Разговариваю с лучшими, в том числе и с комсоргом смены Тамарой Мартыновой. Некоторое время наблюдаю за девушкой со стороны. Она так увлечена своими станками, что мне неудобно отрывать ее от работы.

Невольно вспомнилась песня:

Вона ростом невеличка,
Ще й літами молода,
Руса коса до пояса,
В косі стрічка голуба...

Точь-в-точь про Тамару. Не было у нее лишь ленты в косе, была в легкой косынке и, кажется, тоже в голубой.

Шум станков мешает разговору. Из отрывочных фраз складывается биография девушки: с отличием окончила десятилетку, а потом специальные кратковременные курсы, работает на заводе с февраля этого года.

Задаю стандартный вопрос:

— Мечтаете, наверное, об университете или институте?

— Нет...— отвечает Тамара, уходя к крайнему станку.— Я уже учусь в Черкасском вечернем филиале Киевского политехнического института,— улыбается она.

Несмотря на вето бригадирши, возвращаюсь к первой своей знакомой.

— А вы как, думаете учиться?

— Стану лучшей, тогда! — задорно отвечает она.

Ни деды, ни прадеды такого [redacted]

На следующий день утром еду в ближайшее приднепровское село Геронимовку. Там живет дважды Герой Социалистического Труда Галина Буркацкая. Знаю я ее давно, но вышло так, что в колхозе «Радянська Україна», который она возглавляет, был только раз, да и то мимоходом.

Сеяла она тогда непонятную для меня коноплю, жила в обыкновенной хате под соломенной крышей и с глиняным полом. В сравнении с колхозами, где председательствовали Ф. Дубковецкий и М. Посмитный, «Радянська Україна» показалась мне заурядным середнячком.

И вот теперь я раскрываю глаза от удивления. Оказалось, что Галина Буркацкая, живя в хате под соломенной крышей, строила светлые и просторные коровники, свинарники, новые дома для колхозников, прекрасный Дом культуры, которому может позавидовать любой районный центр, школу-интернат и настоящий дворец для детей ясельного и дошкольного возраста.

Построила Галина Евгеньевна и себе новую хату, да такую, что не стыдно каких угодно гостей принимать. Кстати, будучи недавно в Чили, она пригласила в гости к себе Пабло Неруду.

Неужели конопля такая денежная? Да, конопля в колхозе растет богатырская! Но не только она сделала «Радянську Україну» миллионером. Агроном Буркацкая со своими трудолюбивыми колхозниками «очерноземила» бедные песчаные земли у Днепра, заставила их давать обильные урожаи. О стопудовых урожаях пшеницы тут уже давно забыли — это день вчерашний.

— А в нынешнем году?

Галина Евгеньевна ответила:

— Меньше, чем в Жашкове, Умани и других районах области, где глубокие черноземы: там воткни оглоблю, и вырастет тарантас. Но и у нас неплохо.

— Вырос воз?

— Бричка,— продолжала певучим голосом Буркацкая.— Озимая пшеница выдала по 180 пудов с гектара. Горох — немногим меньше. А кукуруза в зерне, надеемся, даст в два раза больше, чем пшеница.

С не меньшим удовольствием рассказывала Буркацкая и о достижениях колхоза «Родина Хрущева», с которым «Радянська Україна» соревнуется. Она недавно там была, называла некоторые цифры. Ржи земляки Никиты Сергеевича взяли по 26 центнеров, вырастили богатый урожай кукурузы на силос.

...Из Геронимовки еду в обком партии, захожу к первому секретарю Леонтию Найдеку — он мой однополчанин по Отечественной войне.

— Расскажи об урожае в области. Все говорят: ни деды, ни прадеды такого не знали.

Лицо Найдека расплывается в широкую улыбку. Кому-кому, а секретарю обкома приятно, конечно, слышать это. Но вдруг он хмурится и говорит:

— Нечего собирать радости по канцеляриям. Езжай сам по области и увидишь.

Оправдываюсь:

— Но я ведь еду на корабле, привязан темой к Днепру.

Мы условились поехать вместе по области в другое время и в первую очередь проведать колхоз «Здобуток Жовтня», в котором почти сорок лет председательствовал зачинатель колхозного движения на Украине Федор Дубковецкий.

— Хорошо идут там дела! — радовался Найдек.— По молоку первыми в области. Урожай зерновых и сахарной свеклы — тоже на славу.

Итоги по области еще, как говорится, не подбиты, но многие специалисты сельского хозяйства уверяют, что такого урожайного года, как 1961-й, не знала история этого хлебородного края.

Целые районы собрали по 150—180 пудов пшеницы с гектара. Многие колхозы — по 200—240 пудов. А есть бригады, в которых урожай превысил 300 пудов!

Хороша на Черкасщине и кукуруза. Виды на урожай — 300 пудов с гектара, но...

— Скажем «гоп», когда уберем кукурузу,— сказали мне в обкоме партии.

Кременчугское море

За Черкассами наш «Стрежень» очутился в настоящем, безбрежном море... Белый, словно чайка, кораблик выбрался на середину тринадцати его миллиардов кубометров и, наверное, с берегов был не приметен. Лишь вода, да небо, да красно-голубой флаг УССР развевался на корме.

Хорошо! Очень хорошо!

Нехорошо лишь то, что вскоре разыгрался шторм, а он, говорят, действует здесь нахальнее, чем на Черном море. Наш «Стрежень» запрыгал на громадных волнах, словно ореховая скорлупка.

Силища-то какая! В шторм она особенно чувствуется, и начинаешь понимать, что такое сила воды и мощность днепровских гидроэлектростанций:

625 тысяч киловатт — Кременчугской,

650 тысяч киловатт — Днепрогэса,

325 тысяч киловатт — Каховской.

Через час по выходе из Черкасс мы плыли по местам, где находились днепровские пристани Богун и Бужин, а на берегах лежали людные села Адамовка, Рацево, Кошарки, Гущевка и другие.

Бывший стольный град Богдана Хмельницкого, а ныне районный центр Чигирин имеет новую пристань — Адамовку. Поворачиваем к ней и видим на высоком берегу большое селение, застроенное сплошь белыми домиками под черепицей и шифером. Это новое Рацево, в котором поселились почти все жители названных раньше сел. В нем 1 280 дворов.

Несколько лет назад я был в старом Рацеве, утопавшем во фруктовых садах. И ныне на деревьях густо висели яблоки и гру-

ДВЕ КОЛХИДЫ

Грузинские автостроители из Кутаиси давно уже хотели создать автомобиль, который годился бы и для городских и для сельских дорог и в снегах Севера и в песках Юга. Автомобиль, который мог бы легко преображаться из холодильника в огромный нефтевоз, из магазина на колесах — в скотовоз.

Недавно на заводском дворе появилось несколько новых грузовых машин, в которых воплощена мечта конструкторов. Автомобилям предстояло пройти сложнейшие ходовые испытания.

Путь новых машин лежал через братскую Россию, через Казахстан и берегам далекого Байкала.

«Автопробег Кутаиси — Братск — Кутаиси протяженностью 18 тысяч километров провести на отлично» — такое обязательство дали испытатели в честь XXII съезда КПСС.

Машины вернулись в Кутаиси в отличном состоянии.

И теперь два новых грузовых автомобиля — «КАЗ-605 — Колхида» и «КАЗ-606 — Колхида» — сданы в серийное производство.

Я. ТАГАНЦЕВ

На снимке новые автомашины «Колхида» и их создатели. Слева направо: Кримгирей Мосешвили, Константин Пиковский, Аполлон Шенгелия и Иосиф Хазарадзе.

Фото автора.

ши. Их продавали женщины на пристани. Рачительные колхозники выкопали молодые плодоносные деревья с комами земли и бережно перевезли их на новые места.

Захожу в одну хату, третью, пятую... Хозяева встречают радушно, угощают фруктами, арбузами.

— Не скучаете по старому, обжитому месту?

Все, словно по уговору, друж- [illegible]

— За лесками и хатами под стрехами? Да пропади они пропадом!

Приятно было мне, уроженцу старого и бедного села, ходить по новому селу, любоваться хорошо спланированными улицами и центральной площадью, светлыми и веселыми строениями. В центре села стоит двухэтажная каменная школа, на околице — двухэтажная вальцевая мельница. Строятся двухэтажный жилой дом для сельской интеллигенции, Дом культуры, больница и другие общественные [illegible]

Не на словах, а на деле село подтягивается к городу.

Самая новая на Днепре

Шел четвертый день нашего путешествия. Чем еще новым порадует он?

Утром шторм утих, море успокоилось. «Стрежень» за два с небольшим часа домчал нас к воротам — шлюзу Кременчугской ГЭС. 15 минут — и мы внизу, на Днепре, который после моря показался узким.

Поднимаюсь на плотину. Припомнился день, когда я впервые увидел Днепрогэс в Запорожье. С высокой, красиво выгнутой громадины красиво и шумно падал могучий бурлящий водопад.

Здесь, на Кременчугской ГЭС, мои зрение и слух остались как бы безразличными, вернее, уступили более сильному чувству — обонянию. Без шуток, именно — обонянию. ГЭС, словно невесту, готовили к официальной сдаче: убирали ее, красили. Везде, на каждом шагу, пахло свежей краской, свежим дерном, свежевысаженными цветами.

Оглядываю наземные сооружения и начинаю понимать, почему зрение и слух подвели меня. Плотина здесь в два раза ниже Днепровской, а сама ГЭС упря- [illegible]

В хорошие водные месяцы на Кременчугской ГЭС работают десять турбин. И управляет ими смена в составе восьми человек.

На юг от ГЭС, в Южную энергосистему, протянулась высоковольтная линия, объединяющая Днепровскую и Каховскую гидростанции, тепловые электростанции Харькова, Донбасса, Ростова, Херсона, Николаева, Одессы.

На север такая же высоковольтная линия пошла к Киеву.

А возле самой ГЭС вырос городок, если можно назвать городком населенный пункт, в котором уже сейчас живет около 30 тысяч человек. Городок чистый, благоустроенный. Пройдет три года, и он будет утопать в зелени молодых садов.

Четвертая, строящаяся

Кончился пятый день нашей поездки по Днепру, а до Херсона еще далеко. Время подпирало.

— Товарищ капитан, отдавайте концы! Будем плыть ночью.

Быстро темнело. На обоих берегах реки проплывали огни, тысячи огней. Спать не хочется, огни манят вдаль, возбуждают воспо- [illegible]

Скоро должен быть Мишурин Рог. В нем жил Герой Социалистического Труда Марк Озерный, побивший мировые рекорды по урожаям кукурузы. А немного ниже, на левом берегу, будет Переволочна. Тут, на переправе через Днепр, были добиты остатки шведской армии, разгромленной под Полтавой.

Но спать, спать! Завтра предстоит трудный день. Мы приближались к царству металлургии.

Ночью прошел благодатный дождь, он продолжался и утром. Дождю радовалось, наверняка, все среднее и нижнее Приднепровье: с мая на поля не выпало ни росинки.

Сквозь тонкую сетку дождя спереди приближалось к нам ажурное плетево непонятных издали железобетонных конструкций с большими и малыми кранами над ними. Мы подходили к строящейся Днепродзержинской ГЭС.

Пристаем прямо к островку, на котором сооружается станция. Выхожу на высокую насыпь, ясно вижу перед собою очертания водосливной плотины, почти готового шлюза. Несмотря на дождик, шли работы: двигались краны, вспыхивали огни электросварки, слышался скрежет бульдозеров и скреперов.

Моими гидами были шофер Антон Пятко и тракторист Николай Плахотник.

С Антоном Пятко я познакомился у большой горы битого камня, который он возил на стройку. Пока его машину грузили, Антон рассказывал мне, усиленно жестикулируя:

— Вот прямо в плотине и будет эта самая электростанция. Конечно, это не Братская ГЭС, но тоже большой плюс!

— Какой плюс?

Пятко недоуменно посмотрел на меня: шучу я или в самом деле не понимаю. Продолжал:

— А тот плюс, о котором говорил товарищ Ленин. Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация! Вот наша Днепродзержинская ГЭС тоже будет плюсом. Она будет давать 350 тысяч киловатт электричества...

Машину нагрузили, и Антон Пятко быстро уехал.

Иду берегом Днепра, ближе к будущей станции. На пригорке молодой парень мечтательно смотрит куда-то вдаль.

— О чем замечтались? — спрашиваю.

— Ожидаю трактор, сейчас должны доставить, а мечтаю...— Парень махнул рукою и улыбнулся.

— О девушке?

— Смотрел в небо и представлял себя невесомым. Интересно!

— Что именно?

— Чувство невесомости.— Парень опять улыбнулся.— Я тракторист. Мог бы я там поднять трактор?

Назвался он Николаем Плахотником из села Аулы, которое лежит немного выше строящейся плотины. Окончил семь классов, был в армии.

Николай охотно дополнил рассказ Пятко о будущей ГЭС.

— Сюда, где мы стоим, придет море. Оно частично затопит и мое село Аулы. Это на правом берегу, а на левом... Вон видите песчаную насыпь? Она идет на восток, а дальше поворачивает на север и там вскоре преградит путь реке Орель.

— Куда же денется Орель?

— Будет впадать в Днепр, но уже ниже ГЭС. Сделаем ей новое [illegible]

Мне понравились и познания парня и его уверенное «сделаем!». Он чувствовал себя хозяином на стройке. Но поговорить с ним дольше не пришлось. К берегу пристала баржа, доставившая трактор, и Николай торопливо попрощался.

Разговариваю еще с арматурщиками, рядовыми техниками, и мне без начальника стройки становится все ясным. ГЭС строится медленно («Мы внеплановые»,— сказала девушка-арматурщица), но уверенно. В первом полугодии 1963 года четвертая гидростанция Днепровского каскада вступит в строй, даст новый «плюс» электроэнергии, о котором говорил Антон Пятко.

Прообраз грядущего

В Днепродзержинске я никогда не был, и, когда его расхваливали, мне думалось: город дает самое важное для могущества Родины — металл. По-настоящему увлекался я лишь художественной самодеятельностью города металла, когда она выступала в Киеве на республиканских олимпиадах. Это было действительно ярко, самобытно, [illegible]

А теперь я стою, удивленный, в центре города у памятника Прометею, единственному в стране, и думаю:

«Если бы не было на Днепре таких городов, как Киев и Новая Каховка, я бы мечтал жить в Днепродзержинске».

О нем, о его замечательных заводах написано несколько книг. В них идет речь о славной Дзержинке, занимающей одно из первых мест в СССР по выплавке чугуна, о Днепродзержинском коксохимическом заводе, на фронтоне которого начертано: ЗАВОД КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

Вряд ли после этих книг я скажу что-либо новое... Но сказать [illegible]

В горкоме партии меня предупредили: на коксохимическом идеальная чистота. Подумалось: какая же может быть идеальная чистота на предприятии, имеющем дело с каменным углем?

Настороживал также подъезд к заводу: пыльный, заросший по сторонам чахлым кустарником.

Но вот нас любезно и, главное, быстро пропустили на завод.

Настроение начало быстро подниматься. Ведь на розыски пропуска в иных местах приходится тратить час, а то и более.

Глаза моего попутчика разбегаются по сторонам, не зная, на чем остановиться. Все просилось в объектив фотоаппарата. Казалось, что мы попали не на завод, а в ботанический сад. Потом мы узнаем, что здесь растет, плодоносит и благоухает:

5 тысяч декоративных и 500 фруктовых деревьев,

30 тысяч декоративных и 5 тысяч ягодных кустов,

80 тысяч разных цветов.

И еще услышали потом легенду о заводской пасеке. Блуждая над полями пчелиный рой, искал пристанища. Пчелиным нюхом он учуял запах медоносов на коксохимическом заводе и доверчиво там опустился. Трудолюбивых пчел приютили достойные их по трудолюбию коксовики.

Очарованные, ходим по тенистым аллеям завода-сада, на одной видим даже гроздья винограда. Его срывали и отправляли в заводской детский сад. Чудесно, замечательно! Но при чем здесь гордое название: завод коммунистического труда? Не за виноград же и цветы он удостоен такой большой чести!

Андрея Васильевича Бубликова не застаем в директорском кабинете: он куда-то уехал. Заходим к главному инженеру Петру Алексеевичу Власову. Сидел он в светлой комнате, с чисто натертым полом, за чистым столом. Отвечал на наши вопросы лаконично и четко, словно на пресс-конференции.

— За что завод удостоен высокого звания? Скажу кратко. Первое. Мы даем самый дешевый кокс на Украине. 17 рублей тонна. Второе. У нас высокая производительность труда, работаем уже по плану 1963 года.

Производительность труда в цехе улавливания, например, возросла за последние годы на 32 процента, по сравнению с 1940 годом — на 157 процентов. В зависимости от этого возросла и заработная плата. Средний месячный заработок рабочего в 1950 году составлял 83 рубля, а в 1960 — 116 рублей.

Ясно и понятно. В-третьих, мы узнали, что на заводе покончили с текучестью рабочей силы. Она стала естественной: старики уходят на пенсию, а на их место — дети своих же рабочих, для которых созданы курсы и школы.

Тепло и задушевно рассказывал главный инженер о рабочем смолоперегонного цеха Сторчаке. Как-то он возвратился после вечерней смены домой, улегся спать. И ему приснилось, что он, передавая сменщику пост, забыл предупредить, когда нужно перекрывать воздухопровод. Холодный пот окатил его ручьями. Проснувшись, Сторчак в глухую ночь побежал искать по городу телефон, чтобы позвонить на завод. Оказалось, что все в порядке.

— Впечатление от завода будет неполное, если не побываете в нашем техническом кабинете,— сказал Власов.— Он так же, как и сад, создан собственными силами. В нем любой из рабочих, студент, проходящий практику, могут наглядно изучить технологический процесс коксохимии, увидеть плоды труда коксохимиков.

На стендах технического кабинета мы увидели сотни разных предметов, сделанных из отходов угля — газа: шарикоподшипники и корпуса автомобилей, выключатели и детали самолетов, лекарства, цветную кожу, каракулевые смушки и всевозможные нейлоновые изделия...

Спасибо, дорогие коксовики!

Дважды Герой Социалистического Труда Галина Евгеньевна Буркацкая — председатель колхоза «Радянська Україна», Черкасской области.

Металлургический завод имени Ф. Э. Дзержинского в Днепродзержинске.

Еще одна мощная гидроэлектростанция на Днепре вступила в строй. На снимке: гидроагрегаты Кременчугской ГЭС.

Людмила Жук, окончив десятилетку, пришла работать на строительство Днепродзержинской ГЭС.

ВЕСЕЛЫМИ ГЛАЗАМИ СИБИРИ

Ия МЕСХИ

Раньше говорили: город раскинулся у моря. Теперь нередко говорят: море раскинулось у города. Во всяком случае так можно сказать о Новосибирске, около которого два года назад родилось Обское море.

Удивительное это дело — появление нового водоема. Все вокруг как-то невольно прихорашивается, подтягивается, оживляется. Заводу уже нельзя быть закопченным, лесу неудобно выглядеть лысым и неряшливым, а хате — покосившейся.

Водохранилище разлилось далеко, на двести с лишним километров—от Новосибирска, до самого города Камня, что на Алтае. И както трудно поверить, что все эти миллиарды кубометров воды подпирает кажущаяся теперь такой тонкой плотина Новосибирской ГЭС. Два года назад ушел отсюда последний монтажник, и с тех пор семь агрегатов неутомимо посылают Новосибирску, Кузбассу, Алтаю ток. А его уже не хватает. И уже думают, прикидывают несколько оставшихся у пультов человек: как выжать из машин побольше? Может быть, поднять уровень водохранилища еще метра на два! А может, добиться этого путем охлаждения трансформаторов?

Обское «море»... Пока мы разгуливаем по нему на дозорном катере Новосибирской ГЭС, уберем, пожалуй, кавычки, а то поднимется шторм и опрокинет наше утлое суденышко. Какие, в самом деле, могут быть кавычки, если условия судоходства на протяжении всей преобразованной Оби коренным образом изменились и в непогоду тут ходят только озерно-морские суда? Море есть мо[redacted]!

Сегодня относительно спокойно. Хорошо! Покачивает, побрызгивает, А на губах не солено. Мимо проплывает большое село. Это Тюменькино с Верхними Чемами соединились на новом берегу, и дали строители приморскому селу новое название — Ленинское. Сюда из города замыслил перебраться сельскохозяйственный институт.

Ослепительно белая россыпь домов на пригорке чем-то напоминает с моря пейзаж Ялты. Это поселок Нижние Чемы, центр нового, Советского района города Новосибирска. А там вдали мыс, густо поросший сосняком. Совсем Пицунда! Только бы побольше синевы и тепла. Впрочем, не всем это нужно. Иные предпочитают отдыхать в прохладном бору, у «своего» нежаркого моря. Поэтому так запестрели берега возле Новосибирска дачными поселками, детскими лагерями, новыми [redacted].

Вода подошла к самому лесу, под самые корни. Кажется, нет места, чтобы погреться на солнышке. Нет? Но можно сделать? И вот искусственно намыли большой песчаный пляж, и летом после рабочего дня люди бегали сюда лесной тропой и... бултых в море! Это пляж городка Сибирского отделения Академии наук СССР. Тут же и сам городок с его проспектами, пробитыми сквозь чащу,— невиданное сочетание дикой тайги с самыми что ни на есть современными формами человеческого поселения.

Сибирь ли это, еще недавно такая строгая, почти отрешенная от всех внешних благ, почти аскетическая?

У самой плотины ГЭС два года назад появился завод. Как его назвать, трудно придумать. Что он делает? Да многое. Он делает приборы для искусственного осеменения пчел, стотонные аэродинамические трубы, крошечные медицинские приборы — микроманипуляторы. Он будет делать все, что потребуется впредь для опытных работ институтов академии. Каждый раз новое и каждый раз разное. Производственник посочувствует: здесь простительно распустить нервы, сосать одну за другой папиросы, говорить сиплым голосом и жаловаться на судьбу. Но Николай Васильевич Архипов, директор завода, предельно спокоен и невозмутим. Да, он получил в наследство от ГЭС нижнечемские кадры. Да, они главным образом умели ворочать глыбы, корчевать, копать. А тут надо создавать сложные, точные приборы. Но... все в руках человеческих.

Говорят, Архипов, мол, помешан на пальмах. Действительно, стоят в большом механическом цехе две красавицы в кадушках. Они выглядели бы здесь нелепо, если бы не было всего остального: если бы станки в цехе не были выкрашены в приятный для глаз зеленый цвет, если бы проход посреди цеха не был выложен цветными плитками, а вдоль него не стояли бы изящные барьеры с подвесками для цветочных горшков. Цветы, свет, [redacted].

Кто давно не видел друга и встретился с ним накоротке, тот прежде всего смотрит, а что в друге нового, как он одет, веселые ли у него глаза. «Веселые глаза! Хорошо одет!» — хочется сказать, глядя на новинки приобской Сибири.

Теперь, раз уж мы сошли на берег, вспомним: почему здесь, в тайге, появилось Сибирское отделение Академии наук СССР. Прежде всего, конечно, потому, что этого потребовал рост производительных сил Сибири. Но почему в тайге, а не в центре города, на Красном проспекте, который, кстати, вытянулся уже на десять километров? В дни, когда созревало это решение, академик Михаил Алексеевич Лаврентьев, председатель президиума Сибирского отделения, рассказывал, как он попал однажды в Грузию, в гости к академику Николаю Ивановичу Мусхелишвили и как ему тогда надо было поработать в тиши. Хозяева предложили гостю поселиться в Гелати, чудесном местечке, где сохранились развалины древнейшей Грузинской академии. В общем, Михаил Алексеевич вспомнил, что он очень хорошо поработал тогда в Гелати и что древние были мудры, выбирая для своих занятий красивые, спокойные места. Не потому ли Михаил Алексеевич был за то, чтобы Сибирское отделение Академии строили под Новосибирском?

В Сибирском отделении около восьми тысяч сотрудников. Но тайга приобская тоже большая. Правда, испортить ее, захламить можно в два счета: идет очень большая стройка! Уйма техники, уйма автомашин шныряют туда и обратно между стволами сосен, по береговым колкам. Стройка наступает на пятки лесу. Но и лес, молодчага, тоже наступает на пятки стройке. Громкая идет перепалка:

ЛЕС (младший научный сотрудник лесозащитной опытной станции Потапов): Ведь мы же договорились, что сюда не будут сваливать доски!

СТРОЙКА (прораб Иванов): Но мне просто негде повернуться!

ЛЕС: Значит, деревья должны гибнуть? Это же деревья! Живые организмы! Неужели хотите, чтоб клиника торчала на пустыре? Тут люди сердца будут лечить!

СТРОЙКА: Да разве мы не понимаем? Вот придете завтра...

ЛЕС (довольно крякая): Ну, ну...

Замечательный энтузиаст, этот ЛЕС! Звать его Василий Васильевич, а в Академгородке его кличут просто Батей. Два его сына — геофизик и геохимик — работают тут же, в институтах академии. Но Батя — человек лесной и тем, кто посягает на тайгу, спуску не дает. Рассказывают, забежал он как-то на собрание к строителям. Речь шла о сугубо строительных делах. Не вытерпел, попросил слова и начал говорить о лесе, о том, как он красив и полезен. Потом на птиц перешел, стал рассказывать о характере скворца, о том, что синички глушь любят. После собрания чуть ли не все пошли скворечни делать. Кстати, сейчас в лесу Академгородка около восьми тысяч скворечен!

Трудно рассказать обо всем, с чем встречаешься в этой ожившей тайге. Вот, например, избушка почти на курьих ножках, с цветочными клумбами у входа. Вместо печной трубы из открытого купола виднеется дуло телескопа. Живет в избушке астрометрист Антон Дмитриевич Скоропупов, который денно и нощно наблюдает за небом. А года через два здесь построят большую обсерваторию. Пока же телескоп Антона Дмитриевича, как он не без гордости сообщил нам, есть первое окно в сибирское небо. Ну, не окно, пожалуй, форточка, но все же первая!

Если же пройти к устью Верхней Ельцовки, то на берегу, тоже в [redacted] избушке, можно поговорить с Александром Петровичем Брославским. Он работает над тем, чтобы облегчить труд лаборантов, изучающих море. Обское море, что ни говорите, имеет загадочный характер, с него глаз [redacted] спускать.

А в так называемой Золотой Долине, красивейшем месте «академлеса», находится вотчина доктора физико-математических наук Богдана Вячеславовича Войцехов-

Огромные баржи, груженные херсонскими арбузами, плывут по Днепру.

Выступает Сергей Балашов.

Фото Е. Горского.

ДО ЦЕЛИНОГРАДА — РУКОЙ ПОДАТЬ

В полдень самолет приземлился в Целинограде.

В хлебную житницу на праздник искусств с разных концов страны съезжались прославленные певцы, художники, композиторы, поэты, известные артисты, мастера эстрады и цирка. Город оделся в праздничный наряд: бывшая акмолинская городская площадь — такая, казалось бы, будничная — превратилась в огромный концертный зал, куда с самого утра начали стекаться колонны рабочих завода «Казахсельмаш», строители, труженики близлежащих совхозов... Они шли на праздник искусств с портретами Глинки и Чайковского, Пушкина и Ма[illegible]

После концерта, на котором выступило около двухсот мастеров крупнейших творческих коллективов Москвы, артисты направились в гости к землякам-строителям.

Машины мчатся по улицам молодого города, а слева и справа стоят башенные краны; растет и хорошеет город коммунистической юности. Вот улица Мира — ее строят москвичи; они приготовили в подарок XXII съезду партии новые квартиры.

Оживленная дружеская беседа завязалась между композитором Анатолием Новиковым и начальником строительного объекта Павлом Расюком. Их плотно окружили рабо[illegible]

— У нас у самих на стройке есть и поэты и музыканты. Наш целинный край — край молодежный. И вы сами видите, какой это жадный народ до культуры, — говорит Павел Трофимович москви[illegible]

Людно в этот день и во Дворце культуры железнодорожников. Здесь москвичи-художники открыли выставку своих работ, привезенных в дар целинникам...

Праздник продолжается и вечером. Мощные прожекторы рассекают мглу, отодвигают ночь, окрашивая фантастическим цветом взволнованные, восторженные лица актеров и зрителей. А впрочем, кто здесь актеры и кто зрители? Все они вместе, вся многотысячная площадь поет: «Широка страна моя родная». И этот мощный, многоголосый хор гремит до глубокой ночи.

Наконец в окнах горожан погас свет. Вместе с Сергеем Балашовым и Анатолием Новиковым выходим на дорогу. Над нами звездное небо; степь дышит прохладой, Балашов запел: «Степь да степь кругом»; мы было подхватили, но песня оборвалась.

— Не получается, — признался Балашов. — Ну какая же это «глухая» степь, когда от Целинограда до Москвы — рукой подать! Днем пообедаешь в хлебной столице, а вечером успеешь к началу спектакля в Москву.

И он громко декламирует:

За годом год,
за вехой веха,
за полосою полоса.
Нелегок путь,
но ветер века,
он в наши дует паруса.

А над покоренной целиной встает рассвет; по степи мчатся голубые автобусы с московскими артистами. Навстречу им — вереница машин, груженных зерном. Вахтанговцы держат курс в один район, мхатовцы — в другой. С ними едет Л. Харитонов — герой фильма «Иван Бровкин на целине». Артисты московской оперетты отправились в отдаленный совхоз «Дружба». Мастера кино — Леонид Кмит, ординарец Чапаева, Владимир Дружников, герой фильма «Сказание о земле сибирской», Ия Арепина — «Капитанская дочка» — поехали со своими товарищами к целинникам, туда, где золотые руки хлеборобов поднимают целину, а целина поднимает людей.

М. МИРИНГОФ

ского с его замечательными импульсными водометами. Водомет «стреляет» короткими водяными струями, которые вырываются из сопла со сверхзвуковой скоростью и бьют с силой в тысячу атмосфер. Такая струя пробивает дерево диаметром в полметра, стомиллиметровую железобетонную плиту и режет уголь любой твердости. Сейчас Богданом Вячеславовичем получены уже гораздо более рекордные мощности, с помощью которых можно пробиваться к самым заветным кладовым земли...

Дальше в лес — больше интереснейших сведений. Вот Академический проспект. Здесь высятся жилые дома сотрудников. В одном из них временно разместился институт математики. Спрашиваю, как мне найти заместителя директора института по вычислительному центру Юрия Гавриловича Косарева.

— Кажется, он сейчас в тринадцатой квартире, — объясняет любезная девушка.

В тринадцатой квартире отвечают:

— Косарев сейчас на кухне, беседует там с сотрудником.

Наконец Юрий Гаврилович выходит и мы устраиваемся в какой-то маленькой комнатушке, кажется, в детской. Может быть, в ней будут скоро жить дети, но сейчас она называется «комнатой майя». На стенах развешаны удивительные рисунки, будто и впрямь детские, однако мрачноватые для малышей. Кто бы ни жил впоследствии в этой комнате, она навсегда останется памятной в истории Сибирского отделения. И сколько бы ни пытался Юрий Гаврилович отвести меня от «майской темы», доказывая, что это случайное для института дело, что институт занят фундаментальными проблемами математики, что много нового в области программирования, — таинственная письменность майя все же действовала на мое воображение сильнее. Не потому чтобы это имело значение для роста производительных сил Сибири. Речь идет о расшифровке письмен древнего народа майя, населявшего полуостров Юкатан в Мексике. Сто с лишним лет пытались ученые мира разгадать тайну нескольких рукописей на языке майя — и вот с помощью электронно-вычислительной машины, которая еще только устанавливалась в Академгородке, рукописи прочтены. Скоро выйдут из печати три книги с полной расшифровкой текстов языка майя. А миру доказано, что современная математика приложима даже к таким областям человеческой деятельности, как история. И где это произошло? На берегах великой сибирячки Оби. Видел бы это Ильич, когда проезжал ее, направляясь в шушенскую ссылку!

...Шел март 1897 года. Ильич прибыл по только что отстроенной Западно-Сибирской железной дороге на станцию Кривощеково. Мост через Обь еще не был готов. Ямщики усадили Ильича в сибирскую кошевку и помчали на другой берег. На том берегу стояла заснеженная изба с надписью: «Ст. Обь». (Сейчас на этом месте стоит один из крупнейших в стране вокзалов.) Ильич присел к столу. Тут же за окном начинался бор. Ильич писал отсюда матери:

«Пишу тебе, дорогая мамочка, еще раз с дороги...» Что можно было написать? Позади остались 14 месяцев тюрьмы, работа над «Проектом и объяснением Программы социал-демократической партии». Предстояло долгое отторжение от всех живых, конкретных дел.

«...Окрестности Западно-Сибирской дороги, — продолжал Ильич, — которую я только что проехал всю... поразительно однообразны: голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редки деревни, изредка лес...»

Спустя три года Ильич возвращался обратно. Возвращался с планами создания «Искры», с твердым намерением созвать II съезд партии, который должен принять программу. Города на Оби все еще не было. Не было Новосибирска, который мы видим сегодня, города с почти миллионным населением. Не было моря, созданного человеческими руками, не было заводов, где над станками зеленеют ветви пальм, не было вычислительного центра, в котором прочтены древние рукописи порабощенного народа.

Город Новосибирск (бывший Новониколаевск) возник только в 1903 году. В том году наша партия приняла свою первую программу. И выполнила — царизм был свергнут. Приняла вторую программу. И выполнила — социализм построен. Теперь принимает третью. И тоже, конечно, выполнит.

Так почему бы не иметь Сибири веселых глаз!

Рассказ

Анатолий ГЛЕБОВ

Рисунки
И. ГРИНШТЕЙНА.

Запятая

Дело корректора Чиликина, исключенного из партии низовой партийной организацией и ходатайствующего о восстановлении, стояло на повестке областной комиссии партийного контроля последним. Возник вопрос: не перенести ли его? Время позднее, а беседовавший с Чиликиным заместитель председателя комиссии должен был уйти по неотложному делу. Но контролер Родименко, замкнутый и немногословный человек, с необычным для него красноречием стал настаивать, чтобы дело не откладывали. Чиликин ему жить не дает своими звонками. Дело, разумеется, не в звонках — во внимании к человеку. Товарищ ждет решения своей партийной судьбы уже восемь месяцев, изнервничался. Надо дать тот или иной ответ. А дело настолько само по себе несложное, что можно за четверть часа разобраться. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть памятку, подготовленную Родименко, где он, не навязывая комиссии выводов, сжато изложил факты.

Заместитель председателя поддержал контролера, хотя и не мог остаться. Случай, сказал он, действительно несложный, и товарищи легко в нем разберутся без него. А Чиликин, правда, так нервничает и, главное, находится в столь трудном материальном положении, что откладывать не годится. Шкворнева, председателя комиссии, смущало, что ему не пришлось самому говорить с корректором. Но, уступая настояниям заместителя и контролера, он согласился:

— Ладно, разберем.

Склонившись над розданной памяткой, члены комиссии прочли: коммунист Чиликин, немолодой уже человек, не первый год в партии, проявил недопустимую несдержанность и недисциплинированность на работе, оскорбил редактора областной газеты (члена пленума обкома) и других ответственных сотрудников, затем весь состав партбюро, а на собрании партколлектива позволил себе говорить с трибуны пошлости (какие именно, в памятке не уточнялось). В общем, писал Родименко, «проявил качества, несовместимые с высоким званием члена КПСС», за что и был исключен. Райком исключение подтвердил. Вот вся короткая история.

— А где его заявление? — спросил Шкворнев.

Родименко подал тощенькую папку. Найдя заявление, председатель стал читать вслух:

— «Прошу восстановить меня в правах члена партии, из которой я был исключен, как это ни покажется странным, из-за запятой, поставленной нижеподписавшимся вполне правильно, в соответствии с грамматикой и логикой. Это привело к преждевременной потере мною тринадцати зубов и вообще резкому ухудшению здоровья...»

— Что такое?.. — удивленно поднял Шкворнев полуседые брови.

Учительница Гриднева, худощавая, гладко причесанная брюнетка лет сорока, в белой шелковой блузке, тоже смотрела с недоумением.

— «Нижеподписавшимся»? — переспросила она. — Что за стиль? Можно еще раз прочесть, Георгий Николаевич?

Шкворнев прочел вторично, и опять его брови недоуменно поднялись над очками, собрав лоб в складки. Удивлены были все, кроме контролера.

— Беллетристика! — пренебрежительно сказал он.

— Что значит «беллетристика»? — повернулся к нему всем своим мощным корпусом директор Облдорстроя Овсюгов, загорелый здоровяк с восемью ленточками на легком летнем пиджаке.— Сами говорите о внимании к человеку, а тринадцать зубов — для вас беллетристика?! Но разрази меня гром, если я хоть что-нибудь понял! Зубы, запятая, нижеподписавшийся... Может, он не просто нервный, как вы говорите, а психический?

— Какой это Чиликин? — спросила Гриднева. — Не тот ли, что учителем был?

— Он самый, — подтвердил Родименко.

— Так я его знаю! — воскликнула она. — Мы незнакомы, но я о нем много слышала хорошего. Он в третьей женской школе литературу преподавал, и очень, говорили, неплохо. Хорошо знал предмет, увлекался им и детей увлекал. С чего ж это он такие заявления стал писать? Странно. Не припомню, чтобы кто-нибудь о нем говорил, как о несдержанном или пошляке. Действительно, заболел, может быть?

Овсюгов протянул могучую руку, густо заросшую золотым волосом, к папке с делом Чиликина.

— Можно?

Шкворнев пододвинул папку. Отыскав анкету, Овсюгов стал читать вслух скороговоркой:

— «Чиликин Петр Авдеевич, русский, из крестьян, уроженец местный, образование высшее педагогическое, окончил педвуз в Пензе, в партию вступил там же в тридцать третьем году, в комсомоле не состоял, в оппозициях не был, партвзысканий не имел».— Он перевел дух.— «В царской армии не служил, в Красной рядовым был, ранен и контужен». — Тут Овсюгов выразительно подморгнул и добавил: — Вот она, собака, где зарыта! Так-с. «Боевых наград нет, у белых не был, у немцев также, в Отечественной не участвовал по состоянию здоровья, за границей не бывал, родственников там не имеет, под судом и следствием...»

— Не был... — с улыбкой закончила Гриднева.

— Осечка, Татьяна Константиновна! Именно был.

— Да что вы? — удивленно расширила учительница черные, с косинкой, не по возрасту молодые глаза.

Родименко пояснил, что нынешним летом Чиликин поскандалил в магазине, оскорбил продавца, потом завмага. Но судья дело против него прекратил. Свободы и прав не лишали. Отчеркнув все же этот пункт ногтем, Овсюгов стал читать дальше:

— «Вдовец, имеет дочь. Тоже педагог, кандидат партии. Правительственных наград, научных и почетных званий не имеет». Все! — закончил он, захлопывая папку.— Верьте моему опыту: контузия!

Повернув седую голову, Шкворнев слушал его очень внимательно. Только под конец в уголках рта, под широкими седыми усами и в лучиках морщин вокруг утомленных глаз засветилась усмешка.

— Анкета — только тень человека, — сказал он, забирая папку обратно. — Ты, Пантелей Лукич, тоже ведь контуженный. Однако за тобой скандалов не числится.

Овсюгов, поджав губы, уставился в потолок, на котором горели отсветы лучей от графина.

— Надо поговорить, — отозвался молчавший до сих пор немолодой рабочий Караваев, темное, костистое лицо которого говорило о длинной череде лет, проведенных в горячих цехах.

— Да, — сказал Шкворнев и повернулся к Родименко. — Попросите.

Спустя минуту в комнату, где происходило заседание, приятно освещенную вечерним солнцем, вошел невысокий, сухощавый человек в толстых очках. Глаза у него были очень живые, серые, мгновениями острые, мгновениями озорные. Лицо несоразмерно большое, востроносое, бледное, с резкими вертикальными морщинками на щеках. На скуле большая темная родинка. Волосы ежиком, седоватые. Усы в щетинку. От внимательных глаз Гридневой не укрылось, что пуговицы на его поношенном пиджаке пришиты нитками разного цвета. «Должно быть, дочь плохо смотрит, — подумала она, — или неряхи обе». Чиликин был взволнован и не знал, как держать себя в новой для него обстановке. Его худые руки, видимо, дрожали; он крепко их стиснул и неловко прижал к груди.

— Садитесь, товарищ Чиликин, — указал ему Шкворнев на стул недалеко от себя, в конце длинного стола, покрытого синим сукном.

Сев чуть бочком, Чиликин покосился на графин, который розовые вечерние лучи и отсветы салатно-зеленых стен превратили в волшебный аквариум с пламенными жар-рыбами. Ему захотелось пить. Но нет! Не надо обнаруживать волнение.

Шкворнев, нахмурившись, перелистывал его дело. Бросив на Чиликина взгляд исподлобья, приметил на впалых висках рельефный узор синеватых жилок и — сам гипертоник — уверенно определил: «Верхнее двести, нижнее сто».

— Вы познакомились, — спросил он, — с памяткой, которую товарищ Родименко составил по вашему делу?

— Да, — ответил Чиликин хрипловатым, вздрагивающим тенорком.

— Согласны с ней?

— В деталях да, в основном нет.

— С чем же именно вы не согласны? — поинтересовался Овсюгов, внимательно разглядывая корректора.

— В основном ни с чем! — ответил тот ершисто.

«Ах, вот что ты за птица!» — мысленно воскликнул Овсюгов, окинув Чиликина взглядом искоса. На секунду его губы вытянулись, точно хотели присвистнуть. «Знакомая порода: критически мыслящий хлюпик...»

А Шкворнев тем временем продолжал медленно листать дело.

— Мы тоже познакомились, — промолвил он наконец, — и с памяткой, и с вашим заявлением, и с анкетой, но не все нам ясно. Сказать по правде, за сорок с лишним лет пребывания в партии я впервые слышу, чтобы коммунист терял связь с партией из-за запятой.

Чиликин набрал воздуху, глотнул слюну и сказал:

— Я не сам. Меня исключили.

— Как у вас, товарищ, со здоровьем обстоит? — спросил Овсюгов, не спуская глаз с Чиликина.

— Со здоровьем? Особенно похвалиться нечем. Гипертония второй степени, хронический

ларингит, кстати, или, вернее сказать, совсем некстати, сейчас обострился, поэтому хриплю, ну... гастрит...

— Да нет, я не о том. С психикой как?

Топорно поставленный вопрос вызвал неловкую паузу. На скулах Чиликина заиграли желваки. Заметно запрыгала темная родинка, точно почерневшая прошлогодняя чашечка желудя в неспокойной воде.

— В смысле нервной системы, я хотел сказать, — поправился Овсюгов. — В том смысле, что, может быть, вы болезненно реагируете на то, на что человек со здоровыми нервами и внимания не обратит. Вы указываете в анкете, что у вас... — Тут на улице зашумело, загрохотало, зашаталась вода в графине, и панически заметались по потолку зелено-розовые блики: проехал тяжело груженный самосвал.— Фу ты, шут тебя! Когда-нибудь дом развалят... У вас, я говорю, контузия была. Может, на этой почве все? Я сам два раза контуженный, знаю, что это за лихо. Видите? Паршивый грузовик раздражает. А под Сталинградом на авиабомбы и артобстрел не реагировал.

Чиликин, выпрямившись, стал похож на изготовившегося к бою воробья. Он готов был крепко клюнуть Овсюгова. Но сдержался и лишь пробормотал, обращаясь к председателю:

— Можно, я выпью немного?

Шкворнев налил ему воды. Напившись, Чиликин утер губы несвежим платком, который поторопился спрятать, и заговорил, запинаясь:

— Я понимаю... Меня можно принять за ненормального... Вполне. Но я вас, товарищи, прошу мне верить, что я абсолютно... то есть совершенно нормален. Это вам могут, собственно говоря, врачи подтвердить, если нужно. Но я надеюсь, что без них обойдется. Сейчас я вам все расскажу по порядку. Я, в основном, не корректор, а педагог. Русскую литературу преподавал.

— Это нам из анкеты известно! — сказал Овсюгов.

Шкворнев приподнял руку.

— Выслушаем, Пантелей Лукич! Анкету товарищ Чиликин нам пересказывать не будет, я надеюсь, а скажет то, чего неводом анкеты не зачерпнешь.

— Хорошо сказано! — пробормотал Чиликин и исполнился благодарности и симпатии к председателю.

Овсюгов был другого мнения. Об этом говорило напряженное выражение его квадратного загорелого лица и торжественная монументальность позы.

— Постараюсь не повторять анкеты, — сказал Чиликин. — Я подчеркнул, что я преподаватель русского языка, потому, что это именно и есть то главное, чего вы в анкете действительно не прочтете. То есть что русский язык — мое призвание, можно сказать, страсть моя. Я, если позволительно так выразиться, болельщик русского языка. Такого слова нет в литературном языке, но я себе разрешаю его употреблять, поскольку оно в данном случае очень точно выражает мое отношение к языку. Гораздо точнее, чем применительно к футболу. «Болеть» за «Спартака» или за «Динамо» — этого я не могу принять, не понимаю!

— Вот как! — оживился Овсюгов. — За кого ж вы, интересно, болеете? Уж не за «Трудрезервы» ли? — В последнем вопросе звучал едкий сарказм.

Не меньше едкости было во взгляде Чиликина, которым тот смерил массивного оппонента.

— Я говорю о русском языке, а не о футболе, — ответил он. — Болеть «за» — это не по-русски, а я уже не знаю, по-каковски. Когда человек, который знает и любит русский язык, слышит подобные обороты, ему делается физически больно. Ушам больно, мозгу. Потому-то я и позволяю себе сказать о нем «болельщик», что ему больно. А на стадионе при чем это? Разве по физиономии мячом заедут!

Овсюгов недоброжелательно сощурился и вновь стал монументальным.

— Где и как я учительствовал, это несущественно, — продолжал Чиликин. — Скажу только, что отдал школе больше двадцати лучших моих лет и не ушел бы оттуда, если б не горло. Запретили много говорить. А в школе, вы знаете, и здоровый иной раз глотку надорвет. Вот и пришлось переменить профессию. Стал корректором. Проработал на этом поприще почти десять лет, и вот такой неожиданный финал! — Он развел руками и, понурив голову, примолк. Но, тотчас вспомнив, что тратит свое, а главное, чужое время зря, встрепенулся и спросил Шкворнева: — Вы не разрешите мне закурить?

Шкворнев разрешил. Чиликин, пробормотав благодарность, достал мятую пачку «Прибоя». Когда он чиркал спичкой, руки его вздрагивали.

— Не могу сказать, — продолжал он, пододвигая к себе поближе желтого майоликового лебедя с зелеными разводами на крыльях, — чтобы у меня и до этого все шло гладко в редакции. Инцидентов хватало при всех четырех редакторах, с которыми довелось рабо-

тать. Такая уж работка! И такой, я вам скажу, средний уровень нашей грамотности. Я не могу, товарищ Шкворнев, не воспользоваться случаем, чтобы не сказать об этом два слова. Может быть, вы в обкоме насчет этого поговорите. Очень вас прошу! У нас не только обе газеты, даже книги, которые областное издательство выпускает, много оставляют желать лучшего в смысле грамотности. Возьмите вы хоть эти невозможные, невероятные для русского языка, неправильные соподчинения, которые теперь буквально на каждом шагу встречаешь даже в передовицах центральных газет, в докладах, в литературных произведениях!

— Например? — поинтересовалась Гриднева. Она преподавала географию, но живо интересовалась вопросами языка.

— Примеров могу вам десятки и сотни привести, если хотите, — «болельщик языка» достал потрепанную объемистую записную книжку, стянутую красной резинкой, раскрыл и прочел: — «Вникать и заботиться о всех мелочах». Вникать... о! Это по-русски? Или вот: «В области внешней политики мы будем непоколебимо следовать и осуществлять линию, которая...» И так далее. Так перевели речь чехословацкого товарища. Следовать... линию! А вот как вам понравится: «Мы, китайский народ, безгранично приветствуем и сочувствуем борьбе японских патриотов...» Это из заявления китайского товарища. В китайском языке падежей, как известно, вообще нет, и ясно, что товарищ на своем родном языке выразился вполне грамотно. Но перевод каков! И это печатается во всех газетах, от центральных до районных. Это читают миллионы людей. Они простодушно убеждены, что газета неграмотной быть не может, особенно центральная, и сами начинают так говорить. Эти обороты укореняются через печать, приобретают права гражданства. Приветствуем... борьбе! Ведь это же — вы меня извините, товарищи, — просто черт его знает что такое!

«Любопытный человек! — думала, глядя на него, Гриднева. — О себе самом будто и не помнит, так увлекся...»

— А по-вашему, как надо? — спросил темнолицый рабочий.

— Не по-моему, а по-русски нельзя соподчинять слова, требующие разнопадежных дополнений. Это не в духе нашего языка, уродует его. Вот уже поистине «русский язык мы портим», как говорил Владимир Ильич...

— Товарищ Шкворнев! — вдруг рыкнул Овсюгов, так пристукнув при этом по столу, что вода в графине снова затанцевала.

Все, удивленные, повернулись к нему. Не удивился один Родименко, который, ни на кого не глядя, спокойно рисовал в блокноте геометрические фигуры. Только его всегда красное, будто недавно ошпаренное лицо стало еще краснее.

— Я просил бы, товарищ Шкворнев, напомнить товарищу Чиликину, — говорил Овсюгов, гневно багровея под цвет вечернему небу, — что он не урок, понимаете, преподает детям в пятом классе, а находится в комиссии партийного контроля, которая обсуждает, место ли ему в нашей партии!

Шкворнев посмотрел на него, на Чиликина и других, потом сказал корректору:

— Давайте, товарищ Чиликин, ближе к существу дела. Все, что вы говорите, очень интересно и важно, но об этом мы как-нибудь в другой раз с вами поговорим, специально.

— Слушаю, — ответил тот. Он не понял, чем вызвана была вспышка гнева Овсюгова, но уже не сомневался, что это его главный недоброжелатель в комиссии. — В январе этого года наша газета перепечатала редакционную статью одной центральной газеты. Я вычитываю гранки и вижу такую фразу: «Наш государственный аппарат не терпит застоя рутины, косности, бюрократизма». После «застоя» нет запятой. Получается: «застоя рутины» — явная чепуха. Посмотрел оригинал, восковку с телетайпа — там так же.

— Обычная опечатка, — небрежно уронил Родименко, старательно заштриховывая боковые грани куба.

— Совершенно верно. И она прошла бы незамеченной, если бы я поставил запятую, где нужно, и никому об этом не сказал. Но все дело в том, что наш новый редактор, товарищ Власюк, издал приказ: в любом случае, когда у корректоров возникает спорный вопрос при печатании правительственных и директивных документов или при перепечатке статей из центральных газет, докладывать ему лично. Я доложил. И что ж он сделал, как вы думаете? Велел исправить? Ничего подобного! Он эту злополучную запятую раздул в целое дело против меня!

— Положим, не он раздул, а вы раздули, — сказал Родименко, рисовавший теперь конус.

Чиликин даже подскочил.

— Нет, не я, товарищ Родименко! — воскликнул он запальчиво. — Совестно вам это говорить! Вы же отлично знаете...

Раздраженный его тоном, Овсюгов готов был сказать что-то очень резкое, но Шкворнев вовремя остановил его движением руки, и директор Облдорстроя только крутнул багровой шеей и, отдуваясь, провел пальцем между нею и воротом белой косоворотки. Чиликин продолжал рассказывать.

Когда редактор Власюк узнал, что опечатка обнаружена в статье центральной газеты, он на секунду призадумался. Конечно, бессмыслица — о чем спорить? Но... будь это в местном материале! А тут...

— Знаете, что? — сказал он Чиликину. — Запросите Москву.

— О чем? — изумился тот.

— Как там? Исправлено или нет в тираже?

— А если не исправлено?

Редактор покатал в пальцах толстый карандаш, взял со стола оттиск другой полосы и стал читать, не отвечая.

— Товарищ Власюк, я прошу вас ответить! — настаивал Чиликин. — Если там проскочила опечатка, так что ж мы, повторим ее?!

— Делайте, что вам говорят! — резко ответил редактор. — Запросите Москву.

Чиликин вместо того, чтобы повиноваться, заспорил. Он не понимает, о чем тут запрашивать. Делать такие запросы — только срамить себя перед Москвой. Редактор ответил, что это не его забота. Тут-то и началась перепалка! О правах и обязанностях корректора и редактора, советского человека вообще и коммуниста в особенности. О борьбе за чистоту языка, об уродовании его газетами, что отмечал еще Ленин и что доныне наблюдается в неубывающей степени. О грамотности. О том, что пора бы Отделению языка и литературы Академии наук не отсиживаться в сторонке от живой языковой практики, а активно на нее влиять, установить повседневный, оперативный контроль над языком печати, школы, театра и кино, радио и телевидения. О многом еще другом говорили они со стремительно возрастающей обоюдной неприязнью и в конце концов дошли до личностей.

Выведенный из себя упорством подчиненного, Власюк сказал, что он сам человек вполне грамотный и не хуже Чиликина понимает обязанности корректора. Но есть разница между корректурой и злостным буквоедством. Почему злостным? Потому что заводить такие споры из-за выеденного яйца, или — что то же — одной запятой, вместо того чтоб выполнить без разговоров приказ начальника, может только человек, сознательно желающий взбаламутить склокой редакционный коллектив и опорочить руководство.

Чиликин ответил, что ни взбаламучивать, ни порочить у него и в мыслях нет. Корректура же, по его мнению и по своему существу, именно в буквоедстве и состоит, но за это буквоедство ему народные деньги платят, и он зря их получать не намерен. Особенно, добавил он, «буквоедство» необходимо там, где некоторые сотрудники (даже кое-кто из ответственных) не в ладу с грамотой. Один переделывает полукровку в «полукоровку». Другой говорит: «проскрутово ложе». Третий — «нелицеприязненный». Четвертый пишет: «Борясь за колхозный план, не малую роль суждено сыграть шефской помощи». И тому подобное.

Ни один из приведенных Чиликиным примеров неграмотности лично к редактору не относился. Он человек действительно вполне грамотный, с высшим филологическим образованием. В общем, знающий и дельный редактор, но... трус и перестраховщик «первой категории» (так выразился Чиликин).

Ох, как сверкнул на него глазами при этих словах Пантелей Лукич! Опасаясь, чтобы Шкворнев вновь его не остановил, он ничего не сказал, только вновь крутнул головой и передернул могутными плечами.

«И какое твое собачье дело?! — подумал он. — Кто ты такой есть, чтоб своего начальника трусом первой категории обзывать? Может, начальник больше твоего понимает? Да не «может», а наверно, раз партия и правительство ему областную газету доверили. Дай такому критикану власть, он те откорректирует всех подряд! Тот у него неграмотный, этот трус, перестраховщик, бюрократ. Всех под орех разделал. Один он правильный. А какое тебе, собственно говоря, дело? Дан приказ — выполни и доложи».

Чиликин между тем продолжал рассказ. Его дискуссия с редактором кончилась тем, что Власюк крикнул:

— Товарищ Чиликин! Прекратите глупую болтовню и делайте, что вам говорят! Если в центральной газете опечатка, они и ответят. Понятно? Не мешайте мне работать!

— Нет, это вы мне мешаете честно работать! — крикнул вне себя Чиликин и, окончательно сойдя с рельсов субординации, наговорил редактору такое, что тот выставил его из кабинета.

Через пять минут к Власюку вызвали неотложную помощь: плохо стало с сердцем. Не лучше было и Чиликину: ощутимо подскочило давление, застучало в висках. Но к нему врача не вызывали — невелика птица. Так он обмолвился, рассказывая. Эта обмолвка стоила ему новой стычки с Овсюговым.

— Вы что же? — спросил директор Облдор-

строя, не в состоянии больше сдерживаться,— хотите такую мысль выразить, что у нас забота о человеке распространяется только на ответственных, а на неответственных нет? Вы понимаете, что вы говорите?!

Чиликин, нервничая, снял очки, опять их надел, опять снял и ответил голосом, выдающим глубокое волнение:

— Если б я думал то, что вы мне приписываете, зачем бы я стал добиваться восстановления в партии? Я не из тех, кто на партсобрании говорит одно, а дома другое.

Под Овсюговым так скрипнул стул, что все посмотрели в его сторону. Но он не произнес ни слова: боялся потерять контроль над собой и наговорить лишнего. Только шумно втянул в себя воздух и так же выдохнул его.

Гриднева, темные брови которой сдвигались все суровее по мере того, как раскрывались подробности дела, недовольно взглянула в сторону Пантелея Лукича и увидела, что так же смотрит на него Караваев. Ее глаза потеплели. Как хорошо, когда тебя без слов понимает товарищ! А Чиликин, придавший последним словам Овсюгова больше значения, чем стоило, примолк. Вновь снял очки, обвел всех близорукими глазами, потом обратился к директору Облдорстроя:

— Видите? — И прямо в лицо ему оскалил превосходные, неестественно белые и ровные зубы.

Все, кроме Родименко, уставились на него с удивлением, а Овсюгов даже подался назад испуганно. Не сумасшедший ли? Родименко, усмехаясь, продолжал зачеркивать тонюсенькими, строго параллельными штришками поверхность конуса. Он знал, что хочет сказать Чиликин.

Вынужденный забежать вперед, тот объяснял комиссии, что после всех передряг, последовавших за скандалом в кабинете редактора и завершившихся исключением из партии, а потом уходом по собственному желанию из редакции, у него на почве нервного потрясения открылось воспаление надкостницы на обеих челюстях. В связи с этим пришлось удалить тринадцать зубов. Месяц Чиликин провел в клинике. Затем ему вставили протезы. Лечили, разумеется, бесплатно, как всякого советского гражданина. Как же мог бы он после этого думать что-либо подобное тому, что ему приписывает Овсюгов?! Взволнованно рассказав все это, корректор вернулся к подробностям своего исключения.

Его конфликтом с редактором занялось партбюро. Мнения разделились. Одни считали, что Чиликин обязан был беспрекословно подчиниться приказу начальника, другие приветствовали его живую заинтересованность и готовность отстаивать истину в любых условиях. В нёблагоприятном исходе обсуждения в большой мере виноват был сам Чиликин (откровенно это признававший). Чувствуя себя непогрешимо правым в споре о запятой, он наговорил резкостей тем, кто был согласен не с ним, а с редактором, обозвал их редакторскими прихвостнями. Тут даже те, кто считал его правым по существу, возмутились и проголосовали за исключение его из партии как недисциплинированного человека, противопоставляющего себя коллективу.

Общее собрание партколлектива подтвердило решение бюро. Утвердил его и райком. Всюду прошла формулировка: «Недисциплинированность и невыдержанность, недостойные члена партии». Особенно повредил себе Чиликин, когда привел на общем собрании цитату, которую его противники расценили как по- [illegible]

Нерешительно глянув в сторону Гридневой, Шкворнев спросил:

— А что такое вы, собственно, сказали? Если, конечно, удобно это воспроизвести.

Чиликин порозовел и тоже взглянул на Гридневу. Под смущенными взглядами мужчин смутилась и она. «Сказать или нет? — думал корректор и решил: — Скажу! Раз сказал на собрании, где сорок женщин было, отчего ж при одной не повторить?»

— Я хотел показать важность запятых, ну и привел одно старинное двустишие, перевод с французского. Действительно несколько вольное. Надо было что-нибудь другое привести, это я сознаю. Это моя ошибка. Но в тот момент ничего другого не вспомнилось. Вот и сказал. — И, косясь на Гридневу, процитиро- [illegible]

Он нежился, как сытый кот
В постели у мадам Каротт.

Если в конце первой строки нет запятой, то, как видите, ничего особенного. Но стоит поставить запятую, и получается совсем другое, не особенно приличное. Вот что значит запятая!

Члены комиссии переглянулись. У всех, кроме Овсюгова, пробежали по лицам улыбки. Веселей других улыбнулся Шкворнев, любитель шутки. Но, взглянув на раздраженную физиономию Овсюгова, согнал с губ улыбку и сказал деловито:

— По-моему, ничего тут нет особенного.

— А по-моему, — весь кипя, возразил Пантелей Лукич, — цитирование таких стишков на партсобрании и тем более здесь не только неуместно, даже оскорбительно. Лично для меня по крайней мере.

Черные, с косинкой, глаза Гридневой вновь расширились, на этот раз смешливо. «Почему лично? Что он хочет этим сказать? Что он кот? Или мадам Каротт — его близкая знакомая?.. Каротт... Это, кажется, морковка по-французски? Безобразие, как забываются языки! Будто и не учила...» Она отвернулась и стала смотреть в окно.

Солнце заходило. Из раскаленного горнила заката протянулись через все небо три гигантские розово-огненные плети. Между ними небосвод, неопределенно дымчатый, казался серым. Только в верхней оконнице упрямая голубизна, яркая, как изразцы самаркандской мечети, сопротивлялась натиску оранжево-кровавой, с краю лиловой тучи, наползавшей с востока. На редкость прекрасен был мир в этот час угасания дня и рождения теней. В открытое окно лился шум улицы: рокот и гудки машин, смех детей, играющих в обкомовском сквере, потрескивание струи, вырывающейся из шланга. Поливали к вечеру цветы. Пахло свежестью, левкоями и резедой.

Скоро кончится заседание. Четверть часа быстрым шагом по веселой вечерней улице — и она дома. Расскажет мужу за ужином о письме вьетнамских школьников, полученном ее восьмиклассниками, о предложении ребят будущим летом поехать с ними на Кавказ. А муж расскажет, как прошло испытание его новой радиолы, над чертежами и расчетами которой он просиживал иной раз до рассвета — так увлекался. Один такой счастливый вечер стоит всех огорчений наступающей старости. Как хочется, чтобы так же счастливы были все! Ох, как это необходимо, чтоб не мучились люди зря, хотя бы такие вот, как этот трогательный рыцарь запятой. Кому, зачем нужно было доводить его до белого каления, а потом в течение восьми месяцев выматывать из него нервы?!

— Вы как будто кончили? — спросил учителя Шкворнев. Чиликин кивнул и сел. — У кого есть вопросы? — Председатель повернулся к Гридневой: — У вас нет?

Она помедлила, потом сказала:

— Нет!

Ей хотелось расспросить Чиликина о дочери. Любит ли она его? Поддерживает ли морально? Замужем или одинока? Почему не следит за одеждой отца? Но разве такое спросишь в официальной обстановке!

— У меня есть,— сказал Караваев.— Из-за чего у вас в магазине скандал вышел?

Чиликин ответил, что уличил продавца «Бакалеи» в обвешивании, потребовал книгу жалоб. Продавец и директор магазина нагрубили ему. Не сдержался и он, о чем очень сожалеет. Но закрыть глаза на мошенничество не мог, тем более что жертвой обмана была старушка пенсионерка.

— В данном случае вы поступили как коммунист,— сказал Овсюгов, откашливаясь.— Но вот насчет запятой... У меня тоже вопрос. — Его сильные, короткие пальцы натужно уперлись в край стола. Он продолжал кипеть внутри и боялся сказать лишнее, поэтому тщательно выбирал слова и говорил медленно.— Собственно, у меня не один вопрос... Много вопросов... Но это лучше будет в порядке прений. Основной же вопрос вот какой: входит ли в обязанности корректора руководить редактором?

Нахмурившийся Шкворнев не дал ответить Чиликину, на скуле которого снова ходуном заходила темная родинка, а сказал сам, что вопросы надо задавать конкретные, способствующие уяснению сути дела, а не нервирующие товарища.

— Прости, Георгий Николаевич! Извини! — закипятился Овсюгов.— Я именно самый деловой и задаю. Может быть, товарищу Чиликину известно какое-нибудь положение о газетной работе, которое нам неизвестно. Но по своему личному опыту, как ответственный работник, я знаю, что подчиненный не имеет права командовать начальником.

— При чем тут «командовать»? — не удержалась Гриднева.

— При том, что товарищ Чиликин себя ставит выше редактора Власюка, считает, что имеет право его учить, поправлять, а Власюк обязан его слушаться. Это его точка зрения.— Вперив в учителя неприязненный взгляд округлившихся карих глаз, он обратился к нему:— Какое, собственно говоря, вам дело...

— До чего? — перебил его Чиликин.— До того, чтобы газета была грамотной? До беспринципности и трусости? До брака в работе тех, кто работает рядом со мной, хотя бы и выше?

— Вы меня не перебивайте, понимаете, а слушайте!

Шкворнев встал, застучал карандашом по столу.

— Товарищи, товарищи! К порядку! В таком тоне я не разрешу ни задавать вопросы, ни отвечать. Здесь не базар.

— Я коммунист и советский человек! —

сказал Чиликин.— И мне до всего дело. Как Маяковский говорил: «Моя улица... моя милиция...» Так и я говорю: моя газета! — И тут же, взглянув на Шкворнева, осекся. — Извините.

Председатель укоризненно покачал головой, потом сам задал Чиликину два вопроса. Во-первых: чувствует ли он сам себя виноватым в чем-либо перед партией и товарищами? Во-вторых: на какие средства живет после того, как уволился из редакции? Запинаясь от волнения, Чиликин ответил, что перед партией никакой вины не чувствует, так как поступал по велению совести, делал то, что обязан был делать как коммунист, для которого свят завет Ленина,— добивался, чтобы газета была стопроцентно грамотной. Какая ж тут вина? А перед товарищами, действительно, виноват: допустил ненужные резкости и в кабинете редактора и на бюро, в чем глубоко раскаивается. Готов даже извиниться перед Власюком и другими за грубые слова. Но ни в коем случае не переменит свою точку зрения в вопросе о запятой, по существу спора. После короткой паузы ответил и на второй вопрос. Материально ему очень трудно, труднее некуда. До выяснения своего партийного положения живет на средства дочери и случайные заработки. Готовил школьников к экзаменам, делал игрушки в артели. В общем, перебивается, как может. Но как ни тяжело это, еще тяжелей сознавать, что терпит все это, не будучи виновным. В принципиальном споре он прав, прав и еще раз прав! А раз так, готов хоть пять лет бедствовать, хоть десять, но не уступит.

— Так,— сказал Шкворнев.— Больше нет вопросов? Тогда...

Чиликин понял: дальнейшее его присутствие излишне. Поспешно встав, сделал общий поклон и пошел к двери. Уже взявшись за ручку, повернулся и спросил:

— Мне подождать?

— Да нет, зачем же? Все, что надо, мы узнали. Примем решение и вас уведомим. А пока желаем здоровья и улучшения дел.

— Спасибо! — сказал Чиликин и ушел.

Шкворнев взглянул на Родименко, поглощенного стереометрическими рисуночками.

— Н-да, не такой-то простой случай, оказывается, как товарищу Родименко представилось.

Услыхав свое имя, Родименко обеспокоенно поднял глаза на председателя, потом взглянул на часы и вздохнул. Прения еще не начались, а ему в девять, хоть умри, надо быть дома: день рождения жены, гости...

Первым взял слово Овсюгов. Он считает, что Чиликина исключили совершенно правильно, и категорически возражает против восстановления. Такие умничающие критиканы в партии не нужны, более того — вредны. Что это будет за порядок, если все начнут так умничать? Выполни приказ, а потом уж критикуй начальника, и то знай время и место, а главное — меру.

— Гражданская газета не воинская часть,— сказала Гриднева.— Партия тем более.

— Очень хорошо понимаю это, Татьяна Константиновна! Но все-таки для меня и в партии, и в государстве, и в воинской части дисциплина есть основа основ, фундамент.

— А идейность?

— На одной идейности, без дисциплины, далеко не уедете, вот я что вам скажу.

— Не понимаю, почему надо их противопоставлять!

Шкворнев приостановил диалог, и Овсюгов продолжал развивать свои мысли. В партии ли, в советском ли учреждении, в армии ли — надо критиковать тогда, когда тебя к этому призывают. Если бы вышестоящие организации вынесли спор, поднятый Чиликиным, на всенародное или хотя бы внутрипартийное обсуждение, вот тогда, пожалуйста, критикуй на здоровье, высказывайся. Конечно, в определенных рамках, не замахиваясь на авторитеты. А пока тебя не спрашивают, молчи и выполняй.

— Вы мне скажите,— с патетическими нотами в голосе спрашивал Овсюгов,— могла бы наша армия победить и в гражданской войне и в Отечественной, если бы ею Чиликины командовали? Ни в жизнь не победила бы!

— Опять об армии! — вполголоса сказала Гриднева.

— Да не об армии, товарищ дорогой! О всей нашей жизни в целом, всем государстве, партии, общественности! Дисциплина для меня — святая святых во всех случаях, в любых обстоятельствах и условиях. Ей и только ей мы обязаны всеми нашими победами. Это душа и содержание того, что мы называем нашим морально-политическим единством, что нас ставит на десять голов выше гнилой буржуазной демократии с ее показной, фальшивой разноголосицей.

Он говорил очень убежденно, искренне то, что привык думать и говорить в течение всей своей сознательной жизни, начавшейся в середине тридцатых годов, и так разволновался, что, наливая себе воды, слишком порывистым движением расплескал ее из графина на синее сукно, от этого смутился и умолк.

— Все, Пантелей Лукич? — спросил Шкворнев.

— Нет! — живо отозвался Овсюгов, вытирая расплеснутую воду широкой ладонью. И продолжал говорить в общем то же самое, но теперь уже повторяясь, более длинно и скучно.

Гридневой казалось странным, что председатель не прерывает его — и по существу и из-за повторений,— а слушает необычайно внимательно. А председатель не столько слушал, сколько думал. И не о Чиликине, а об Овсюгове. Что сейчас толкует с полной убежденностью Овсюгов? Он понимает демократический централизм только как централизм. Дисциплина для него выше идейности. Демократичность, если вдуматься, что-то вроде подливки к жаркому, а то и просто принудительный ассортимент. Внутренней потребности в ней, как в свежем воздухе, без которого нельзя жить, он не ощущает...

— Я кончил,— сказал Овсюгов, утирая плат-
[redacted]

— Да, да, извини, пожалуйста! — смущенно заторопился Шкворнев и повернулся к Гридневой: — Кажется, вы хотите?

— Да. Я буду спорить с Пантелеем Лукичом. Мне непонятно, Пантелей Лукич, как можно противопоставлять идейность и дисциплину, говорить, что не идейность, а дисциплина есть душа и содержание нашего морально-политического единства.

— Я так не говорил! — поспешил возразить Овсюгов.

— Как же не говорили? Вы сказали, что для вас «основа основ», «святая святых», «фундамент» — это дисциплина, а об идейности совсем в другом тоне выразились: «далеко не уедете на ней без дисциплины» и тому подобное!..

— Правильно! Настаиваю на этом.

— А я настаиваю на том, что для нас «святая святых» и «основа основ» — это ленинская идейность, принципиальность, а дисциплина, как она ни необходима нам, все-таки фактор подчиненный главному, средство, а не цель.

Перестав рисовать, Родименко внимательно прислушивался к тому, что говорила Гриднева, а смотрел на Караваева: как реагирует тот? В противоположность Овсюгову товарищ Родименко уважал демократию и считал самым правильным присоединяться к большинству.

Чувства Караваева было, однако, трудно разгадать по выражению его темного, костистого, навек опаленного мартеном лица, которое он к тому же наполовину прикрыл большой, жилистой и такой же темной рукой. Подперев щеку ладонью, сталевар внимательно слушал Гридневу. Ему хотелось видеть ее лицо, но уже стало темнеть. Он встал, зажег верхний свет — люстру из пяти удлиненных матовых колпаков — и сел на прежнее место, а у стены, напротив Гридневой. Теперь ему хорошо была видна и она, и насупленный Овсюгов, и возобновивший рисование Родименко, и уличный фонарь в окне, в свете которого казалась театрально-неестественной листва липы, растущей у дома, и множащаяся золотая россыпь дальних огней, и последние, меркнущие отсветы зари.

— Я педагог и понимаю значение дисциплины,— горячо говорила Гриднева.— Но так же ясно понимаю, что нельзя требовать от учеников, вообще от людей одной дисциплины, не воспитывая в них прежде всего идейности, не будя самостоятельности мысли, инициативности, умения постоять за свои взгляды. Мы большевики и воспитывать Молчалиных, не смеющих «свое суждение иметь», не хотим и не будем. Если нажимать только на педаль дисциплины, то и получаются такие вопиющие безобразия, о которых мы в прошлый раз говорили, когда обсуждали дело Клещева, начальника станции. Не обеспечить молодежные эшелоны, едущие на целину, ни питанием, ни газетами — ничем буквально, даже водой! Вы помните, что он нам тут говорил? «Не было указаний от начальника дороги»! Ему все «укажи», разжуй, в рот положи, тогда он проглотит. А сам не приучен думать. Вы можете себе представить, чтобы Чиликин, будь он на месте Клещева, допустил такое безобразие? Я не могу. Я убеждена, что он не ждал бы указаний свыше, а действовал сам. Да ведь и в бою, наверно, требуется от подчиненных не только дисциплина, но и инициатива.

— В рамках приказа,— буркнул Овсюгов.

— А кто, скажите, «приказал» Гагановой сделать то, что она сделала? Или Мамаю? Или Мануковскому?

Овсюгов так и дернулся весь.

— Ну знаете! Если вы Чиликина с Гагановой и Мамаем равняете...

— Не равняем,— живо отозвался Караваев,— а о душе его говорим. Сильная душа,

18 ОБОРОТОВ «КОНВАСА»

— Вы, конечно, слышали об аппарате «Конвас»?

— Конечно! О нем теперь у нас даже каждый школьник знает,— ответил я.— Ведь это им Герман Титов сделал свои космические снимки!

— А почему он так странно называется?

На этот второй вопрос Н. А. Исаева, директора Московского опытного завода киноаппаратуры, я уже не смог ответить.

Исаев рассказал мне, что слово «Конвас» составлено из начальных букв фамилии и имени изобретателя этого аппарата Константинова Василия Дмитриевича.

В ранней молодости Константинов работал электриком, а на заре развития кино стал оператором. С тех пор всю свою жизнь он посвятил делу кино. Его кинокамеры «Хроникон», «Конвас», «Родина» считаются первоклассными и сейчас, хотя с тех пор прошло уже 10 лет — срок для развития кино не маленький.

...Московский опытный завод киноаппаратуры, на котором изготавливаются последние детища Константинова, расположен в живописном уголке Москвы, рядом с Выставкой достижений народного хозяйства. Его территория очень похожа на парк: так много здесь зелени и цветов. На заводе полностью собираются киносъемочные камеры, в частности и интересующий нас «Конвас».

Чем же характерен этот аппарат? Почему именно ему выпала честь побывать в космосе?

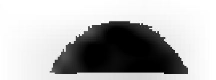
Главными особенностями кинокамеры являются простота в обращении и обслуживании, неприхотливость и надежность в работе, ясное и четкое изображение на пленке. Кроме того, у «Конваса» возможна очень быстрая смена кассет с пленками, ибо сами кассеты заряжаются совершенно отдельно от аппарата. А потом уже готовая кассета снаружи вставляется в него.

— Киноаппаратура нашего завода известна далеко за пределами Советского Союза,— говорит Н. А. Исаев.— Во Франции, в Париже, создан специальный панорамный кинозал для демонстрации советских панорамных фильмов, снятых наши-
[redacted]

Ну, а «Конвас-автомат»,— заканчивает он беседу,— прежде чем облететь Землю семнадцать раз, один раз ее объехал. Он побывал в Турции, Японии, Америке, Канаде, Англии, Индии, Сирии и раньше космической завоевал себе «земную» славу.

Инженер В. ТЕРЕХОВ

горячая, хоть и неказист видом. Побольше б таких!

Овсюгов с такой иронической экспрессией крутнул головой и усмехнулся, что лишни были споры.

— О типе рядового коммуниста, рядового советского человека идет речь,— продолжала Гриднева.— Требовать ли от него, как от машины, только безупречного и своевременного выполнения директив или наряду с этим собственной, живой, яркой инициативы, умения стократно оплодотворить директиву этой инициативой, а может быть, и подать новую, свежую мысль, которую партия подхватит и превратит в директиву? Разве мы не это самое имеем в виду, когда говорим о ленинском стиле работы с партийными кадрами, с массами? Разве это не тот самый стиль, к которому партия вернулась после Двадцатого съезда?

— Верно! — поддержал ее Караваев.

Он был согласен с каждым словом Гридневой. Немало довелось пережить и ему, коммунисту «ленинского призыва», недоуменных и тягостных минут, когда ошибки периода «культа» и невозможность публично их осудить доводили иной раз до боли в сердце. Лишь у мартена забывался в ту пору Караваев. Он любил свой труд, жаркий в прямом и переносном смысле, отдавался труду, как другие отдаются отдыху. Когда выдаешь плавку, чувствуешь всем существом, что делаешь настоящее дело, на пользу людям, на расцвет страна. Сердце верило, что такой народ, как наш, такая партия, как выпестованная Лениным, справятся с любым песком в колесах, выметут этот песок за порог, по-хозяйски наведут порядок в советском доме. И сердце не обмануло.

Гриднева продолжала спорить с Овсюговым.

— Формальное отношение к делу как раз там и возникает, где требуют одной только дисциплины, как вы требуете.

— Я извиняюсь, товарищ Гриднева, все-таки прерву вас! — опять поднялся во весь свой крупный рост Овсюгов.— Извини, Георгий Николаевич, что нарушаю. Но я не понимаю: кого здесь обсуждают: Чиликина или Овсюгова? Довольно, понимаете, странно. Еще раз извиняюсь, что прервал.— И он грузно сел.

С улицы громко звучали гудки машин. Овсюгову даже в них чудилась издевательская интонация. Что поделаешь? Контузия!

— Давайте, Татьяна Константиновна,— сказал Шкворнев, чуть усмехнувшись в седые усы,— поближе к финалу. Ваше предложение?

Гриднева ответила, что настаивает на отмене решения низовой организации и райкома; считает, что Чиликин в споре о запятой вел себя хотя и неуравновешенно, на что ему следует строго указать на будущее время, но политически верно и проявил самое драгоценное качество настоящего коммуниста, душой болеющего за порученное ему дело,— идейность и принципиальность. Власюк же, наоборот, показал себя формалистом и перестраховщиком, и это ему следует поставить на вид.

— Правильно! — горячо поддержал Караваев.— Присоединяюсь.

— Абсолютно правильно! — подтвердил Родименко и торопливо стал собирать в папку бумаги и карандаши.

Караваев отказался от слова. Кратким заключением ограничился Шкворнев. Проголосовали. Предложение Гридневой было принято всеми при одном воздержавшемся. Завязывая тесемочки папки и тревожно поглядывая на часы, Родименко говорил:

— Н-да... Вот она какова оказалась, запятая-то! Не думал я, что так задержимся.

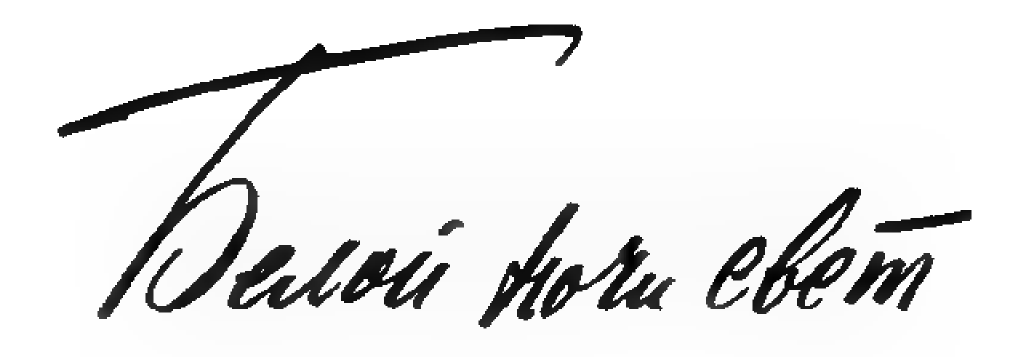
. . . .

Поздно вечером Шкворневу позвонил его заместитель — узнать, как решили дело Чиликина. Шкворнев попенял ему, что он назвал это дело несложным. Тот удивился.

— Я был убежден, что вы за четверть часа сделаете то самое, что сделали. Не понимаю, о чем было спорить. Ты меня слушаешь, Георгий? Что ты молчишь!

Усталый голос Шкворнева ответил:

— За четверть часа такие дела знаешь когда будем решать? Между нами, конечно... Когда всех Овсюговых до уровня Чиликиных подтянем. Извини, голубчик, я уже в постели, устал чертовски. Спокойной ночи!

Михаил ДУДИН

Россия начинается отсюда

Ах, Север, Север!
Кто тому виной,
Что я с твоей не виделся Двиной?

Над Белым морем
Белой ночи свет.
За кораблем
От белой пены след.
Как тихий сон,
Сквозной полутуман
На плоский берег стелет океан.
Как светлый взгляд
И как полунамек,
На берегу сигнальный огонек.
И день и ночь
Сплетаются в одно
Беленое льняное полотно.
И сказка
Умывается росой,
И сказка
Обрамляется косой,
Глядит в глаза
Бездонной глубиной
И берегом проходит
Над Двиной.

Мне открывали
Суша и вода
Заморских стран
Немые города.
Я видел Лувр,
Глазел на Колизей,
Делил с друзьями
Трапезу друзей,
В лазурной
Задыхался высоте,
Награбленной
Дивился красоте.

Ах, Север, Север!
Я тому виной,
Что до сих пор не виделся с
Двиной.
И в суете
Обычных мелких дел
Твое величье, Север,
Проглядел.
Твоя душа
Моей душе родня,—
Мы одного, негромкого огня.
И мне,
Случится,
Над твоей Двиной
Учиться
Надо глубине иной.
Спокойной,
Благородной глубине.

А солнце не заходит на Двине.
Оно не может царственно блистать.
Оно, как ты.
Оно тебе под стать.
Есть в этом свете
Мир и чистота,
Великая земная красота,
Которая вполголоса поет,
Но за живое,
За душу берет.

Ах, Север, Север!
Сказки колыбель.

Россия начинается отсель.

Ее характер
И ее добро,
Как этой белой ночи серебро,
Которое струится, не звеня,
И песней песен
Трогает меня.

Один вздох о Киеве

Каштаны Киева не свадебные свечи,
Подснежники сегодня не для нас.
И время, окрыляющее плечи,
Как ни крути, а юность не отдаст.

Она давно сгорела и согрела
Случайных встреч походную тоску,
Ушла к другим отчаянно и смело
По мокрому кровавому песку.

Я не виню судьбу свою. Не надо
Кощунствовать над памятью слепой.
Наверно, ты последняя отрада,
Мгновенный отсвет радости скупой.

Огонь души да будет чист и светел!
Его нельзя ни выдать, ни предать,
А только можно, сдунув серый пепел,
Подсвечникам каштанов передать.

Стихи о тихой зависти

Дымятся паром парапеты,
Исходит запахами сквер,
Стоит, как страж ночной планеты,
Бессонный милиционер.
    На нем мундир белее пены,
    Околыш красный, как заря.
    Его движения степенны
    И отработаны не зря.
Он страж порядка, гений власти,
Воров и жуликов напасть.
Он стоик, поборовший страсти,
А в город просочилась страсть.
    Она уже околдовала
    Два сердца молодые впрок.
    Вдоль Грибоедова канала
    Они бредут, не чуя ног.
Они одни. Им все возможно.
Такая ночь одна в году.
Они целуются безбожно
У строгой власти на виду.
    А власть молчит. Свистеть не хочет,
    Не принимает строгих мер.
    Как председатель белой ночи,
    Вздыхает милиционер.
Отходит медленно в сторонку,
Подошвой в камень не стучит
И тем двоим один вдогонку
С великой завистью молчит.

В. Попков (Москва). НА РАБОТУ.

КОНТОРА В КОТЛОВАНЕ

А. Снегирев (Москва). В АРКТИКЕ.

М. Корнецкий (Рига) КОМСОМОЛЬСКАЯ ДРУЖИНА.

Пора прекрасного

Кара КАРАЕВ,
композитор, делегат XXII съезда КПСС

Если я скажу партийному съезду словами поэта: «...мой труд вливается в труд моей республики»,— то люди, наверное, поймут — я уверен в этом,— что движет мною не нескромное желание обратить внимание на самого себя, на свою работу, а искреннее восхищение, счастье коммуниста, принимающего такую Программу партии, в которой зафиксирована и огромная ценность труда всех художников, во всех республиках, на все времена...

И если наш труд — труд поэта и писателя, живописца и музыканта, драматического актера и певца — действительно является достоянием наших республик, всего нашего народа, то это только повышает нашу ответственность перед народом! К тому же, как говорится в народе, невкусен, горек хлеб бездельника, и сладок хлеб, который вы разломите в желанный час отдыха после работы.

Я родился и вырос в городе тружеников. По-моему, Баку — самый прекрасный город в мире! Каждое утро, просыпаясь под ясным ли солнцем или в сероватo-жемчужной дымке тумана и дождя, он весь поет. Он сам просится в искусство! О нем радостно писать, будь то музыка, стихи или картины. Это мой родной азербайджанский народ за века своей жизни создал такой изумительный город; я люблю читать его, словно раскрытую книгу, подолгу разглядывая то причудливую вязь замысловатых древних арабесок, то ясные и четкие строки, вписанные современностью.

Я вижу, что с каждым годом этих чудесных строк, говорящих и поющих людям о современности, становится все больше; именно они-то и определяют мажорное, радостное звучание всей той огромной, многоголосой симфонии, какою представляется мне родной город.

Современность волнует мою душу особенно глубоко. И, может быть, я никогда не стал бы композитором, родись я в прежние времена. Но мне повезло: я принадлежу к тому поколению, которое называется у нас ровесниками Октября. Теперь мы уже более не юны,— пришла пора творческой зрелости. Тем выше с нас спрос; каждый из нас понимает это.

С самого детства меня, как и моих ровесников, окружала романтическая атмосфера свершений народа; героика, подвиги, пафос революционной борьбы требовали своего увековечения; весь мир, все окружающее, казалось, обретало свой ритм, свою неповторимую мелодию. И эту воображаемую, звучащую где-то в глубине души мелодию мне неудержимо хотелось воспроизводить. Я усаживался за рояль, торжественно приглашал на «концерт» своего младшего братишку и заставлял его выслушивать мои бурные фантастические импровизации.

Муса отличался терпеливым характером. Но выслушивал с наибольшим удовольствием басовые раскаты, означавшие финал...

Конечно, желание играть, вернее, «сочинять музыку», возникло не само по себе. Так и мои собственные импровизации начались лишь после того, как родители отдали меня в специальный «класс слушания музыки». Старшие справедливо считали, что музыка облагораживает подрастающего человека.

Я ходил в этот «класс» и слушал музыку. Своеобразные занятия по «слушанию» вел Владимир Михайлович Козлов — человек, которому я обязан многим, а главное, своей любовью к искусству. Будучи настоящим энтузиастом, он, замечательный русский педагог и талантливый музыкант, определил мою судьбу. Именно он объяснил мне однажды то, о чем я лишь смутно и неопределенно догадывался, то, что волно- [redacted] ражения,— поэтическую, глубоко лирическую сущность музыки... Я и сам неясно подозревал тогда, что музыка глубже слов, что далеко не все вещи в искусстве можно выразить словом. Порою возникает такое смутное волнение в человеческой душе, так стесняется грудь, а сердце так трепещет от полноты и глубины невысказанных чувств, что если на помощь человеку не придет музыка, то он тяжело, по-настоящему страдает. Только музыке подвластен мир затаенных, но всегда больших и глубоких чувств; «перевести» их на язык слов, конечно, можно, но в этом переводе многие тончайшие интонации будут упрощены и огрублены, либо даже навсегда утрачены...

Вспоминая свои детские восторги, свое глубокое душевное волнение, которое всегда приходило ко мне в «классе слушания музыки», я, между прочим, всерьез задумываюсь над тем, что подобные «классы» давно пора было бы завести в каждой — буквально каждой! — школе. Страна наша теперь достаточно богата для того, чтобы снабдить даже деревенские, отдаленные от городов и посел- [redacted]: Чайковский, Бетховен, Моцарт... Можно было бы подобрать специальные комплекты грамзаписей для школ. В самом деле, сейчас-то, в нашу пору, мы можем — и обязаны! — решать проблему эстетического воспитания ребенка куда шире и энергичнее, чем в годы моего детства... А без эстетического воспитания мы не сумеем вырастить людей коммунистического общества — людей с чуткой душой, открытой прекрасному.

Я думаю о том, что уже вместе с азбукой ребенок должен бы знакомиться с основными звуками гаммы так же, как с основными красками спектра. Это сделает его богаче, сильнее, разностороннее. Потом, позже, он поймет, что сочетание красок дает ему ощущение колорита, а сочетание звуков — чувство гармонии, мелодии... И пусть он в дальнейшем не станет ни художником, ни музыкантом: вы ведь не определяете будущую профессию ребенка, когда читаете ему стихи Пушкина! Пусть дети умеют просто слушать музыку! Поверьте, это откроет перед ними огромную, неведомую страну прекрасного, куда многие из них отправятся в поиски счастья и радости не только для самих себя, но для всех людей...

...«Класс слушания музыки» во многом помог мне стать тем, что я есть. И даже интернационалистом я стал в какой-то мере благодаря музыке. Да, да, я нисколько не преувеличиваю! То есть я не хочу, конечно, отнимать заслуг у пионерской и комсомольской организаций. Но я хочу сказать, что искусство умеет особенно тесно сблизить сердца людей. Оно делает сердца любящими еще прежде того, как человек воспримет это умом, сознанием. И не удивительно: ведь искусство обращено непосредственно к чувству; оно доходчивей, у него своя логика, свой путь воздействия.

Моими учителями и в Баку и позднее в Москве были и азербайджанские и русские композиторы, художники, поэты, писатели... Но музыке я отдавал уже все свои помыслы. И чем шире я воспринимал музыку, тем доступнее, роднее становились мне и живопись и поэзия — все страны в необъятном мире искусства. Самое же главное,— я все острее и отчетливее чувствовал счастье быть советским человеком, коммунистом, интернационалистом...

Это трудно передать словами: мне куда ближе язык музыки,— но все окружающее входило и продолжает входить в мою жизнь с первозданной свежестью, становясь сразу же моим кровным, нужным и интересным, волнуя и тревожа меня то радостно, то гневно. И я просто не мог бы написать, скажем, «Тропою грома», если бы меня, как и всех свободных, дружных людей нашей страны, не касалась так близко жестокая трагедия расовой дискриминации в колониальных странах. Нет, для нас все это не постороннее! Все дела, которые творятся в мире,— это наши неотложные дела, требующие нашего живого участия, нашего заинтересованного к ним отношения — нашей песни, наших картин и стихов, нашей музыки.

Под конец разговора сознаюсь: уже более года я настойчиво решаю свою собственную, самим собой поставленную задачу. На первый взгляд она покажется, может быть, совсем небольшой, совсем простой. Но вот оказалось, что это далеко не так.

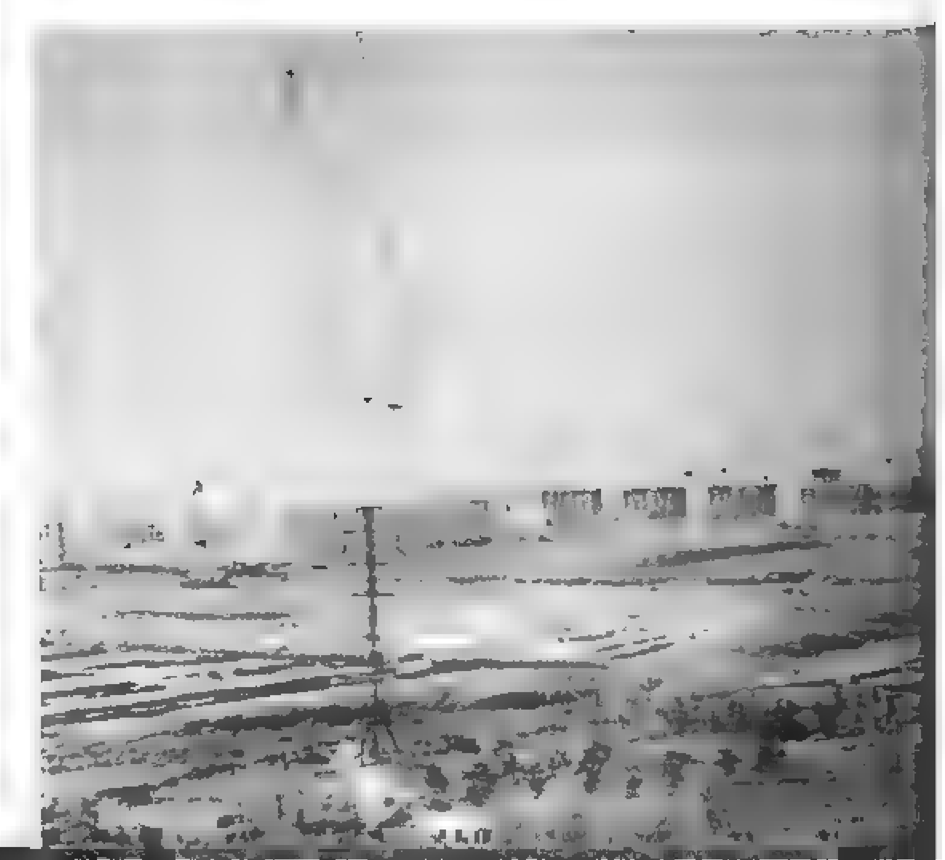
По-моему, нам очень нужна джазовая музыка; не такая, под звуки которой механически, очумело топчутся либо дико беснуются любители рок-н-ролла,— нет, конечно! Наш прямой долг — дать молодежи современную, хорошую и ясную, эмоционально значительную музыку. Если мы сами не сделаем этого, то за нас это сделает кто-нибудь другой. Да это и делают порой другие... А нужно ли, можно ли отдавать во власть чужой, обидно пустой и бездушной музыки нашу чудесную молодежь?! Поэтому-то, работая над джазовой музыкой, я уверен, что занимаюсь сейчас не пустячным делом... Красота ведь обязывает ко многому! Красота той жизни, которую мы строим, пора прекрасного, наступившая для людей, призывает нас щедро нести народу прекрасное и в большом и в малом.

Я думаю, что XXII съезд партии обяжет всех нас, художников-коммунистов, еще более прочно вмешиваться в жизнь. И пусть каждый из нас вмешивается в жизнь по-своему! В самом деле, не разделять задач, выдвигаемых жизнью, но при хозяйском отношении к ним у нас нет и не может быть дел маленьких и дел больших,— все они, если решать их творчески, становятся важными.

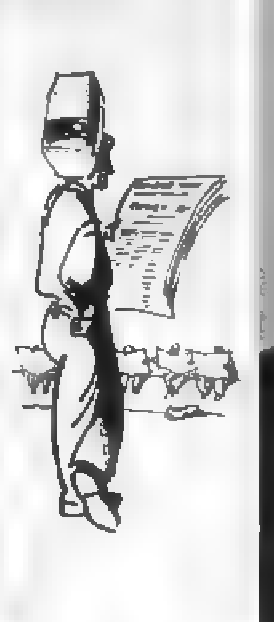

Велика их радость. Фабрика им. Капранова стала предприятием коммунистического труда. Делегат XXII съезда КПСС, директор фабрики К. А. Соколов с членами первой на фабрике бригады коммунистического труда Диной Макаровой, Ниной Щербаковой и Лидией Муромцевой.

МОСКВА В ЭТИ ДНИ

Создатели уникального прокатного стана на заводе «Фрезер» М. М. Волков и В. И. Ипполитов.

Им, счастливым, механику Аркадию Радзивонину и бухгалтеру Рансе Платициной — жить при коммунизме

Как всегда, рано пробуждается наша столица. Еще стелется туман над Красной площадью, а она уже ожила после недолгого сна и опять забурлила, расцвела широким людским потоком.

Идет трудовой люд Москвы. Мимо гранитного Мавзолея, мимо Спасской башни, мимо зубчатых кремлевских стен...

Последуем за этими людьми туда, где в великие дни работы XXII съезда КПСС идет напряженная жизнь, где побеждает новый человек, уверенно шагающий в коммунизм.

Вот одно из передовых столичных предприятий, которому накануне исторического съезда присвоено самое почетное и самое ответственное звание — предприятие коммунистического труда.

Обувная фабрика имени Капранова. Во дворе еще не успели разобрать трибуну. Здесь недавно делегат XXII съезда партии директор фабрики Константин Антонович Соколов получал знамя, на котором горели слова: «Предприятию коммунистического труда». Хорошо поработали капрановцы. 16 октября фабрика выполнила план десяти месяцев. Фабричный двор в кумачовом наряде. Лозунги, призывы, плакаты. Бросается в глаза громадный транспарант, он висит на самом видном месте: «Моральный кодекс строителя коммунизма... Высокое сознание общественного долга...» Уже больше года на фабрике не было ни одного прогула. Факт, казалось бы, незаметный, но красноречивый.

Едем дальше. Завод «Фрезер». Еще одна приятная встреча. Нет, не с рабочими. С учеными из Всесоюзного научно-исследовательского института металлургического машиностроения. Они создали уникальный прокатный стан для изготовления червячно-модульных фрез.

— Какое повышение производительности труда даст ваше детище? — спрашиваем у руководителя группы М. М. Волкова.

— Да как вам сказать...— Наш собеседник замолкает.

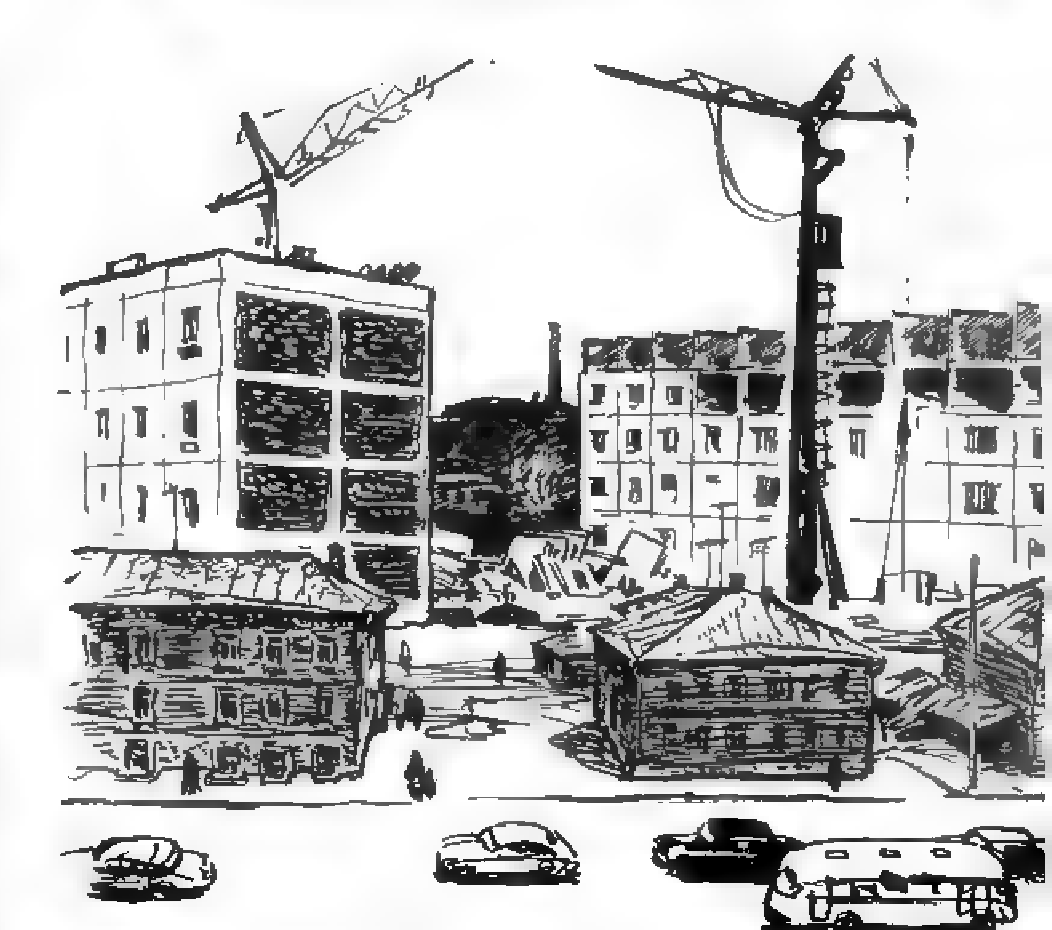
— Пишите, раз в двадцать,— помогает главный технолог завода В. А. Мейлер, он тоже один из авторов знаменитой новинки.

— А может быть, больше? — интересуемся мы.

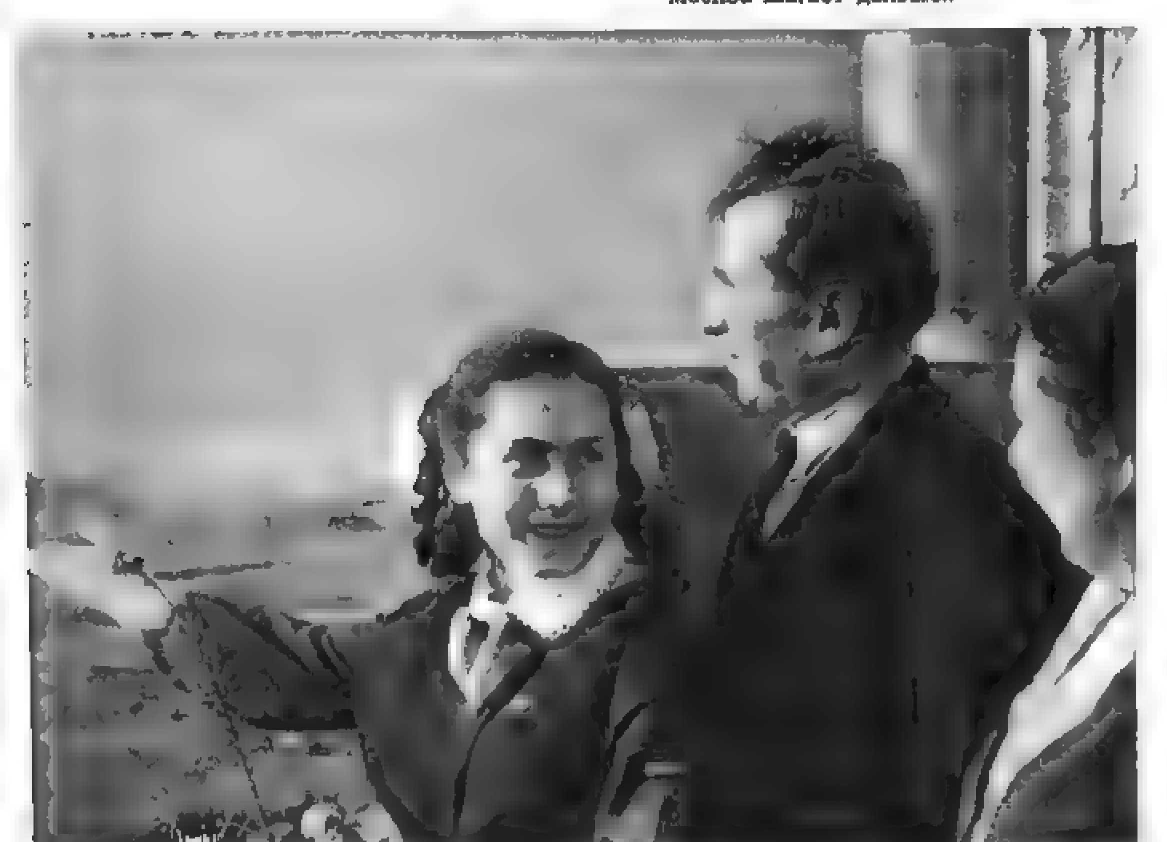
— Если надо, будет и больше, а сейчас продукцию этой машины не успеют обработать несколько инструментальных заводов,— говорит главный технолог.

И вот мы снова на праздничной столичной улице. Новые проспекты вписываются в необъятные просторы столицы. Новые дома вырастают не единицами, не десятками — целыми кварталами, целыми улицами.

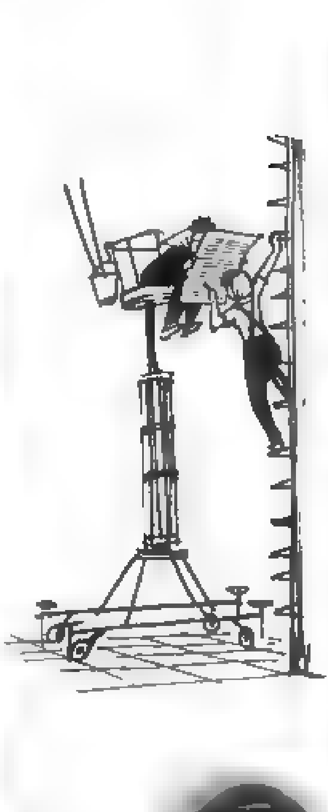
Мазилово. Здесь, словно на параде, поднялись вереницы башенных кранов. И бесконечный ряд новых домов. Мчатся грузовики, доверху нагруженные шкафами, столами, креслами — торопятся новоселы отметить в эти дни и свой, пусть небольшой, но тоже праздник. Сколько их, новоселов! Куда пойти нам, к кому заглянуть? Кажется, мы попали не вовремя. Правда, комната еще пуста, в ней идет первая уборка. Но радость так велика, что, при-

Последние дни деревянных домиков.

Москва шагает дальше...

Под улицей Чайковского пролег новый транспортный тоннель

Машины, которые выставлены в этом павильоне ВДНХ, москвичи преподнесли съезду.

В Центральном выставочном зале. Съезду партии рапортуют художники.

Летчик-испытатель А. В. Федотов посвятил мировой рекорд на скорость полета съезду партии. К. К. Коккинаки (слева) пришел поздравить своего коллегу.

Книга «День мира» — подарок журналистов партии. В наборном цехе типографии «Известия» с интересом рассматривают новое издание.

Горячая пора у иностранных корреспондентов. Вернер Гольдштейн из газеты «Нейес Дейчланд» у телетайпа. Справа — Генри Шапиро спешит отправить очередной материал в американское агентство ЮПИ

Улица молодеет.

сев у окна, молодожены поздравляют друг друга: «С новосельем, любимая!»

Мы закрыли дверь, понимающе улыбнулись. А позднее узнали, что новоселы эти — Олег и Ада Синичкины, что работает Ада секретарем, а у Олега две профессии: слесарь и студент.

На другом конце Москвы, в уютной квартире, снова разговор зашел о новоселье. Мы познакомились с Еленой Тимофеевной Стуналовой, ее дочерью Таней и их соседом Владимиром Матвеевичем Шониным. Они стояли на балконе.

— Чем любуетесь?

— Помилуйте,— ответила Елена Тимофеевна,— совсем недавно наш дом был последним на проспекте, дальше шли поля и рощи, а теперь! Видите, словно грибы, вырастают из земли новые и новые корпуса. Ох, как растет столица наша!

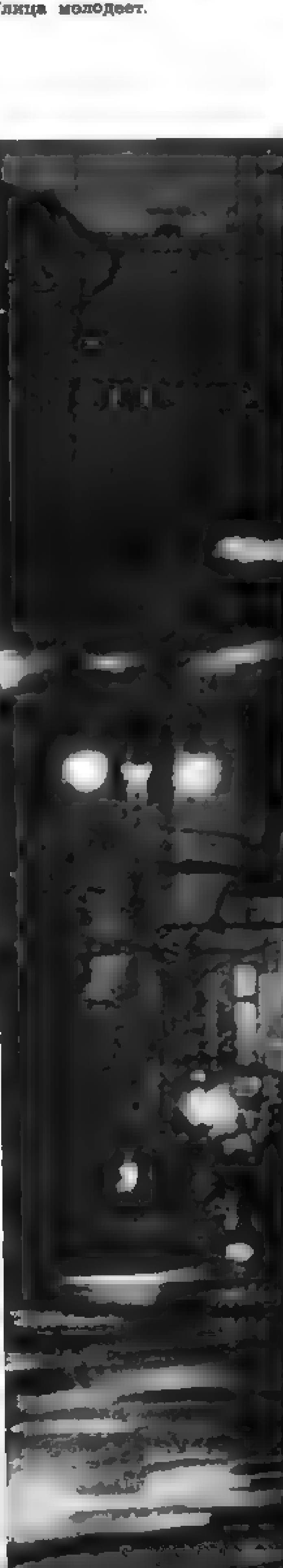
И снова мы в пути. Пестреют афиши на стендах. То зовут они в театры, где идут новые спектакли в честь съезда, то в выставочные залы, где художники и скульпторы в своих произведениях прославляют труд современников. Сколько выставок открылось в эти дни в столице! На ВДНХ демонстрируют успехи заводы и фабрики Москвы. В Политехническом музее обосновались студенты: они отчитываются о работе научных студенческих обществ. В огромном здании Манежа художники тремя тысячами произведений живописи, скульптуры и графики рапортуют партии о своем творчестве. Яркие плакаты смотрят на прохожих с витрин магазинов, со стен домов.

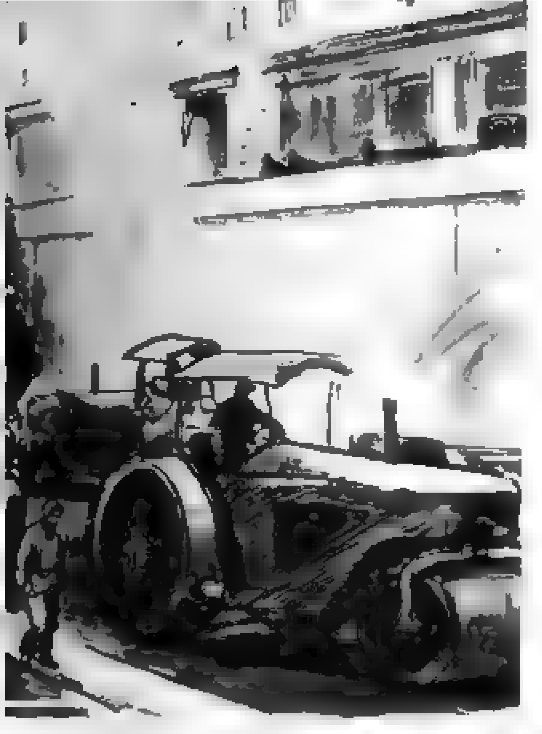
...Короток осенний день. Вот уже залиты мягким светом бурлящие улицы и проспекты. У киосков толпится народ: «Что нового на съезде?» Красива столица, когда в вечерние часы непрерывным потоком по ее магистралям катят вереницы автомашин, ярко светятся витрины огромных магазинов и празднично настроенные люди заполняют тротуары. Но особенно она прекрасна в эти волнующие исторические дни, когда весь многомиллионный город, вся страна, весь мир живут великими событиями, происходящими в [redacted]е.

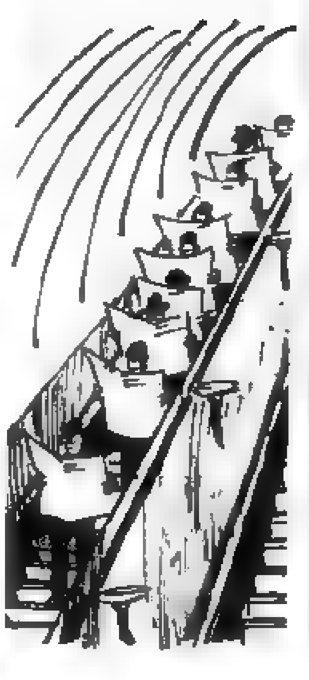

«С новосельем, любимая!»

Что нового на съезде?..

Репортаж подготовили: Л. Бородулин, А. Бочинин, В. Высоцкий, О. Куприн, Р. Лихач, Я. Милецкий, В. Тарасевич, Ю. Черепанов, Н. Чирков.

Прекрасна наша столица в эти волнующие дни.

СЛАВА КПСС

Заповедник сатирика

Зарисовки Вл. [redacted]

ПОДХАЛИМ.

Бесхребетное пресмыкающееся. Меняет кожу в зависимости от ситуации.

ХУЛИГАН.

Человекобезобразное. Не приручался, но охотно шел на поруки

БЮРОКРАТ ОБЫКНОВЕННЫЙ.

Суточный рацион 8 литров чернил, 20 кило бумаги.

ТУНЕЯДЕЦ.

Паразитическое, хладнокровное. Весьма прожорлив.

СКЛОЧНИК.

Содержится в условиях, приближенных к естественным.

Двадцать лет спустя

[redacted] БИЛКУН,
фельетонист журнала «Перец»

Рисунок Е. Горохова.

Писать фельетоны я начал лет десять назад. В это время сатира испытывала острый недостаток в Гоголях и Щедриных. Ситуация как будто складывалась благоприятная. Но когда я предлагал свои фельетоны, редакторы не спешили сдавать их в набор.

По-видимому, в то время я писал несколько хуже, чем Гоголь и Щедрин.

Однако в ближайшие годы редакторские кабинеты не посетил ни Гоголь, ни Щедрин, и редакторы стали покладистей. Меня начали печатать.

Печатать печатали, но инкриминировали мелкотемье:

— Подумаешь, гражданин Семенарчук бросил окурок на тротуар! Чепуха какая! Чем утруждать себя сочинительством, подняли бы окурок, бросили бы его в урну и тем самым ликвидировали бы тему своего фельетона.

И те де и те пе.

В каждом отдельном случае редактор шевелил перед носом пальцами и говорил:

— Нет, брат, уж ежели ты даешь мне фельетон, то давай не мелкоту, а что-нибудь существенное, эдакое что-нибудь зажигательное, чтобы было за что взяться!

И я старался давать... А забракованные мелкотемные фельетоны геологическими пластами оседали во всех углах квартиры, вызывая в осенне-зимний период острое желание моих домочадцев бросить их в печь. Позже мы получили газифицированную, с центральным отоплением квартиру, и этим коммунальным удобствам мелкотемные фельетоны обязаны своим спасением.

А сегодня? Сегодня они все еще лежат без движения. Но вот через двадцать лет...

Впрочем, скажу сначала несколько слов о товарищах по работе, о коллегах-сатириках.

Один из них решил переквалифицироваться и стать поэтом лириком. Для этой цели он приобрел словарь рифм и усиленно работает над собой. Успехи пока так себе, но у человека в запасе еще двадцать лет... Кто его знает! Дай [redacted]у бог...

Судьба второго моего товарища-сатирика вызывает более серьезные опасения. Он решил стать музыкантом и приобрел нежную свирель. Но звуки из этой свирели извлекает отнюдь не нежные. Если так будет продолжаться, то, невзирая на высокую сознательность, гуманизм, корректность и любезность людей будущего, ему гарантированы серьезные неприятности, даже физического свой-[redacted]

Что касается меня, то я из сатиры никуда не уйду и через двадцать лет. Зачем в старости менять профессию? Я согрею сердца людей глаголом фельетонов, которые редакторы прошлого считали мелкотемными. Эти фельетоны у меня с руками оторвут.

Ничего себе мелкая тема, когда человек бросит окурок на тротуар! В городе будущего на тротуаре лежит окурок! Более возмутительный факт трудно себе пред-[redacted] Хотел бы я увидеть редактора, который мне скажет через двадцать лет, что это мелкая тема!

На первый случай у меня и окурочных фельетонов хватит... Но вот придет время, когда и окурки исчезнут из нашего быта, потому что люди избавятся от вредной и дурной привычки отравлять свой организм никотином. Несомненно, люди придут к выводу, что рентабельней прихлопнуть табачное производство, чем налаживать выпуск капроновых легких.

И тогда я пойду в музей восковых фигур экскурсоводом. Буду показывать молодым гражданам раскрашенные фигуры бюрократов, подхалимов, пьяниц, хулиганов и давать подробные объяснения. И буду чувствовать себя, как врач в анатомическом театре: пациенты с тобой, а беспокойства от них никакого.

Крик

Ц. СОЛОДАРЬ

Она лежала под скамейкой в коридоре хозяйственного учреждения, сокращенное название которого умещается всего лишь в семи слогах. Кому же принадлежит моя находка! Как вернуть ее владельцу?

Я внимательно перелистал записную книжку. Но чем, увы, могли мне помочь такие, скажем, строки:

«Очередь на мотороллер вне очереди может сделать Нетудыкин. Он сейчас ремонтирует дачу и клюнет только на шлаковойлок, каковой в два счета ниже твердых цен может устроить Буравчик. Ход к Буравчику имеет Курицын, мечтающий впихнуть дочку в музыкальное учреждение. Там свой человек Трынтравкин, у коего на крючке помпохоз музыкального училища Диезов. Трынтравкину снится постоянный бесплатный пропуск на футбол. Означенный пропуск — пара пустяков для Демисезонского. Последний заглядывает мне в глаза в надежде на неликвидную байдарку. Телефон Демисезонского знает Нетудыкин...»

Сдать книжку в стол находок? . Бесполезно: вряд ли комбинатор, которому заглядывает в глаза жуликоватый любитель гребного спорта, заглянет за ней в милицию.

Я хотел было выбросить книжку. Но мое внимание привлекли густо исписанные странички, исчерканные многочисленными поправками и уточнениями. Оказывается, владелец записной книжки в поте лица сочинял письмо в редакцию. Вот оно:

«Если не считать двух объявлений о разводе, я до сих пор не выступал в нашей многоуважаемой прессе в качестве автора. Однако моя личная приверженность к прессе подтверждается тем, что таковую я выписываю на 8 (восемь) рублей 40 коп. в год, а также тем, что мой сын Игорь, ученик седьмого класса, является — с моего одобрения! — редактором классной стенгазеты.

Но на сегодняшний день, когда все активно высказывают мнение о завтрашнем, я тоже решил взяться за самописку. Со всей самокритичностью должен сказать, что меня, как активного подписчика, волнует то, что на данном от-

души

резке времени, когда надо красочно описывать наши выдающиеся достижения, пресса тратит драгоценное место на фельетоны. Зачем так подробно размазывать отрицательные факты, когда на этом месте можно рассказать о многих положительных фактах!!!

У меня, как у подписчика, на будущее время нет потребности в фельетонах. Я хочу отдать все свои способности читателя усвоению положительных материалов, которые научат меня постепенно и планомерно стирать с себя родимые пятна прошлого. Учтите: фельетон, посвященный только одному человеку, попахивает культом личности, не говоря уже о том, что распространяет отрицательный опыт. Мне лично известен конкретный случай, когда работник нашей системы Габардинов стал торговать цветами только после того, как узнал из остроумного фельетона, что это выгоднее, нежели торговля короткосезонной клубникой.

Но не думайте, что я против жгучей сатиры и острейшей критики! Лично я всегда тоскую по сатирическому жалу. В частности, я с большой пользой для себя читаю замечательные басни наших многоуважаемых баснописцев. Басни бьют не по одной рядовой личности, а сразу поражают своим метким огнем большое количество мишеней. Вот конкретный пример. Когда в вашем многоуважаемом органе была помещена басня о Щуке-ревизоре, лично я сразу смекнул, что она нацелена против нашего инспектора Косноязыческого, каковой из каждой командировки в рыбколхозы привозит жене несколько ведер рыбы. Но упомянутый Косноязыческий, со смехом читая вслух вышеуказанную басню нашей машинистке, ехидно поглядывал на меня, исходя, очевидно, из гнусных слухов, что (будто бы) я, находясь в рыбколхозе, прихватил (якобы) ящик вяленой тарани (вроде подарка) и заплатил (как будто) только за полкило. Однако, мирно обсудивши данный казус, мы с Косноязычесним обоюдно согласились, что басня беспощадно бичует не меня и не его, а нашего сослуживца Сметану, каковой умудрился привезти от рыбаков не только рыбу, но и мясо и даже молочные продукты!

В противоположность фельетону басня не обижает конкретного живого человека, а заставляет многих индивидуумов самокритично осмотреться вокруг себя. Недаром басни сочиняли наши многоуважаемые классики Дмитриев И. И. (занимавший одновременно пост министра юстиции), Сумароков А. П. и Крылов И. А., а также заграничные классики Лафонтен Ж. и Эзоп (инициалы какового неизвестны). Эти сведения мне дал мой сын — отличник 7-го класса — Игорь. На редкость удачный мальчик! Недавно он для школьного кружка «Арифметика вокруг тебя» сам придумал задачу на проценты:

«Мой папа в месяц получает 84 рубля 40 копеек. Чтобы собрать деньги на «Москвича», он ежемесячно откладывал в сберкассу 4 процента своего жалованья. Кроме того, мама несколько раз выигрывала по 100 рублей на облигации госзаймов. Спрашивается, сколько раз моей дорогой мамочке посчастливилось выиграть по займу, если папа купил за 2 500 рублей «Москвича» через четыре месяца после того, как начал откладывать деньги в сберкассе?»

Лично я считаю, что даже Малинин и Буренин лучше не придумали бы!

Возвращаюсь, однако, к вопросам сатиры...»

На этом сочинение неизвестного автора обрывается.

Тем не менее и в незавершенном виде этот крик души довольно убедительно отвечает на вопрос: что делать завтра мастеровым сатирического цеха?

Я напишу фельетон

Г. РЫКЛИН

Рисунок Е. Ведерникова.

Это случилось совсем недавно. Я шел по одной из центральных улиц Москвы. Вдруг меня остановил какой-то молодой человек.

— Извините за беспокойство. Если не ошибаюсь, вы фельетонист? Я читатель и хочу задать вам несколько вопросов.

— Ничего с вами не поделаешь. Задавайте.

— Мы много говорим сейчас о будущем. Там, в будущем, вы же не станете писать о ворах?

— Конечно, нет. Там даже само это слово исчезнет из нашей речи. Оно останется только в старых словарях. Ваш сын, читая какую-нибудь книгу, наткнется на него и сразу полезет в толковый словарь за разъяснением. Но толковый словарь собьет его с толку. Мальчик прочитает: «Вор — человек, занимающийся воровством, совершающий кражи; например, угрозыском обнаружена воровская шайка». Сколько новых недоуменных вопросов: воровство, кража, угрозыск, шайка... Что означают эти слова?

— Ну, а бюрократы?

— В будущем отомрет и эта тема.

— И борьба с бюрократизмом?

— Ее не будет. Не будет борьбы с бюрократизмом!

— Почему?

— Смешно употреблять лекарство против болезни, коли ее не будет. Ваш сын уж не поймет фразу Салтыкова-Щедрина: «он преуспевает на бюрократическом поприще».

— И волокита исчезнет?

— Бюрократизм кормит волокиту. Это его дитя. Не станет кормильца, не станет и дитяти.

— А взятки?

— Взятки будут.

— Как это так?

— У пчел.

— А как с клеветой? Я до сих пор помню фельетон против одного клеветника, который написал 139 доносов на всех своих знакомых, а в 140-м донес на самого себя. Как с этой темой?

— Только ария дон Базилио.

— Не понимаю.

— Клевета вначале сладка, подползает потихоньку... «Севильский цирюльник». Прекрасная ария дона Базилио о клевете — все, что останется от этой темы.

— Все ясно, дорогой фельетонист. Итак, прощайте, мы с вами больше не увидимся.

— Это почему?

— Но ведь не будет ни пьяниц, ни хулиганов, ни стиляг, ни прочих ваших героев! Как сатирик вы умрете. Вам не о чем будет писать.

— Вы ошибаетесь, молодой друг. Хотите знать, что я буду делать завтра? На вас, например, новый пиджак. В отличие от многих своих собратьев он неплохо сшит. Сегодня я не могу сказать о нем ничего отрицательного. Наоборот, могу воспеть его в лирическом фельетоне. А в будущем нас уже не будет удовлетворить такое качество. И я напишу фельетон против ателье, выпустившего в свет устаревшую продукцию.

— Значит, будете все-таки бороться?

— Да, придется критиковать тех ленивых граждан, которые захватят с собой в поход одеяло и подушку, чтобы лечь на таковую и вздремнуть в ожидании приятных сновидений. Правильно я говорю?

— Железно!

— Вот еще одна тема! Уверен, что вскоре никто не будет говорить на этом варварском жаргоне.

— Не придирайтесь к случайному неудачному выражению.

— Вы правы: неудачное выражение приходит и уходит. Ну, а вот этот неудачный дом, возле которого мы стоим? Случайное строение, что ли? Этот скучный кирпичный барак (иначе его нельзя назвать) простоит еще много времени. В нем люди доживут до будущего. А нужны ли еще такие дома?

— Вполне с вами согласен.

— Разгорится борьба вкусов. Литература, театры, кино, живопись, скульптура, музыка. Разные мнения, разные течения. Вот широкое поле деятельности для фельетонистов. Мы будем спорить с художниками, с мастерами, будем спорить друг с другом. А кроме того...

— Что еще?

— А кроме того, мы будем писать лирические положительные фельетоны о нашей новой жизни, о наших новых советских людях. В частности, о новых Гагариных и Титовых.

ПЬЯНИЦА.
Основной температурный режим не ниже 40 градусов. Питался преимущественно закуской.

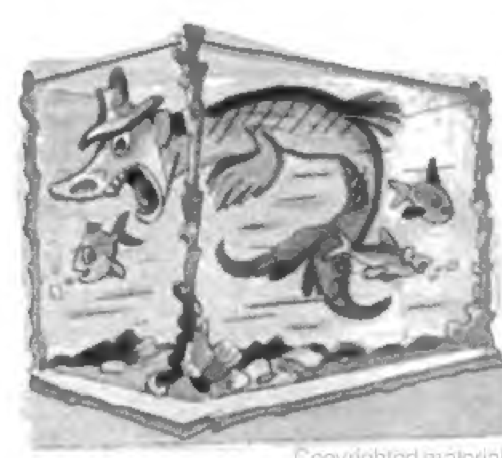
ХАПУГА.
Кормился исключительно «барашками»

ПЛОЩАДКА СТИЛЬНОГО МОЛОДНЯКА...

ЖУЛИК.
Водился в мутной воде.

От Театра миниатюр имеет слово Аркадий Райкин

Каким будет наш Театр миниатюр в будущем? Конечно, веселым, лирическим, острым. Ведь люди не превратятся в ангелоподобные существа, лишенные страстей и индивидуальности. Будут и страдания от неразделенной любви; и дети будут рождаться такими же голенькими и без высшего образования. Их надо будет воспитывать, а они будут болеть, озорничать, драться и даже, пожалуй, бить стекла, если эти последние не станут к тому времени небьющимися.

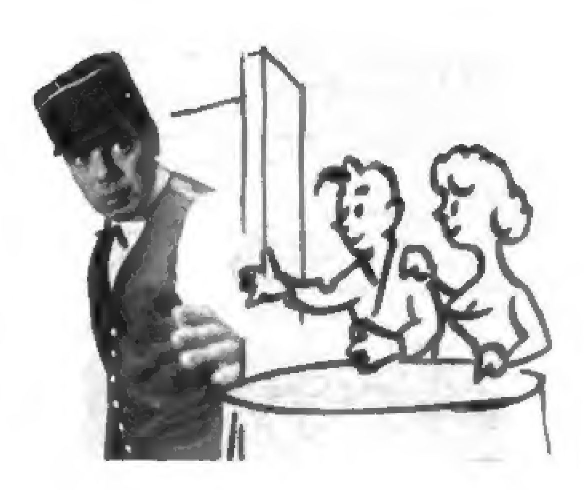
Так ярко вообразил я себе будущее представление, что его герои сами вошли в мои двери. Познакомьтесь с ними.

Вот бабушка кормит ребенка. По старой привычке она, сама того не замечая, апеллирует к частнособственническим инстинктам своего внука:

— Если не съешь кашку, отдам кошечке.

— Ладно, отдавай,— говорит сознательный мальчик, и бабушка вспоминает, что ее фраза — пережиток прошлого, и не знает, что ответить.

— Товарищи молодежь, будьте сознательными,— говорит молодоженам член жилищной комиссии.— Что вы к родителям прикипели? Дайте им отдохнуть! Въезжайте в новые квартиры. Вы же знаете, что деторождение и так не может угнаться за жилищным строительством...

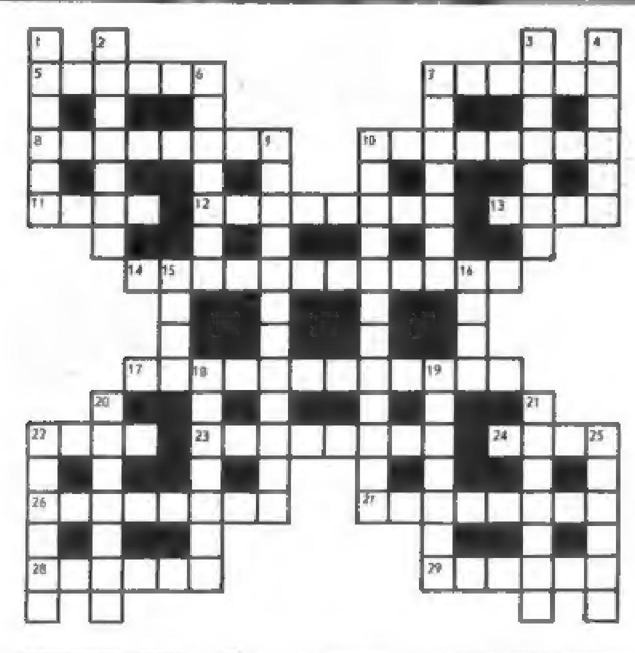
СЦЕНКИ НА ВОЗДУШНЫХ ДОРОГАХ

Милиционер, парящий в воздухе, останавливает вертолет:

— Гражданин, зависните в сторонке, над Домом книги! Вам не стыдно? Не видите разве, что детсад на дачу перелетает? Чуть не врезались! Я вам дал сигнал...

— Простите, товарищ милиционер, вас тучкой прикрыло, я и не заметил.

— Ладно, на первый раз прощаю.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Певец, народный артист СССР. 7. Сельскохозяйственная машина. 8. Русский химик XIX века. 10. Полярная птица. 11. Карельская и финская народная эпическая песня. 12. Бак для бензина, технического масла. 13. Снасть для управления парусом. 14. Соната Бетховена. 17. Чуткость, готовность помочь. 22. Скульптурное изображение. 23. Здравый смысл. 24. Пролив между Балтийским и Северным морями. 26. Вид комедии. 27. Объединение промышленных предприятий. 28. Испанский живописец и гравер XVII века. 29. Опера Р. Вагнера.

По вертикали:

1. Река в Якутии. 2. Изгородь. 3. Медицинское учреждение. 4. Дощечки для настила пола. 6. Роман О. Гончара. 7. Остров Индонезии. 9. Стойкость, закаленность. 10. Столица автономной республики. 15. Бревна, скрепленные для сплава. 16. Парусиновый навес. 18. Отблеск отдаленной молнии. 19. Плодовое дерево Восточной Африки. 20. Земельный участок совхоза, занятый постройками. 21. Сырье для меховой промышленности. 22. Героиня романа Г. Флобера. 25. Часть телемеханического устройства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

4. Фаворский. 7. Сирокко. 8. Компост. 10. Грибоедов. 11. Тонна. 12. Кефир. 14. Шрифт. 17. Арабика. 18. Антипка. 19. Камбала. 21. «Иоланта». 23. Шамот. 24. Драйв. 27. Зефир. 28. Циклотрон. 29. Троянка. 30. Миззгирь. 31. Глушитель.

По вертикали:

1. Башкиры. 2. Празеодим. 3. Литопон. 5. Красноармейское. 6. Корреспонденция. 7. «Симона». 9. Тычина. 13. Финал. 14. Шалаш. 15. Тацит. 16. Стиль. 19. Каргат. 20. Умножение. 22. Ариаль. 25. Циркуль. 26. Горилла.

На последней странице обложки: Занимается утро над Кремлем.

Фото И. Тункеля и Д. Ухтомского.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата—Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусства — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00349. Подписано к печати 18/X 1961 г. Формат бум. $70\times108^{1}/_{16}$. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1827. Заказ 2476.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Ты что? — удивился начальник, увидев сотрудника.— Всего три месяца отдыхал и вдруг прискакал на работу, как угорелый! Тебе же приказал врач четыре месяца отдыхать. Ничего не могу поделать, голубчик, езжай обратно.

— Голубая «Волга»! Остановитесь! Опять портите вид города! Долго вы будете ездить на этом драндулете? Мало ли что вам дедушка подарил, здесь не домашний музей! Да еще для вас третий раз запчасти по индивидуальному заказу изготовляют. Только людей от дела отрываете.

Гражданину приносят шубу, а он говорит, что ему не нужно: у него уже есть несколько.

— Но они устарели, вышли из моды.

— А мне все равно,— отвечает гражданин.— Мода не мода, лишь бы тепло.

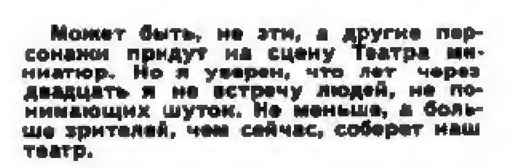
— Вы отстали, гражданин. Вам придется пройти курсы по повышению вкуса. Получите абонемент!

— Я очень люблю лунные камни,— сказала девушка своему жениху.

На следующий день жених еле втащил в комнату камень. Бросил на пол и сказал, вытирая пот:

— Фу! А на Луне он был гораздо легче.

Может быть, не эти, а другие персонажи придут на сцену Театра миниатюр. Но я уверен, что лет через двадцать я не встречу людей, не понимающих шуток. Не меньше, а больше зрителей, чем сейчас, соберет наш театр.

В постановке принимали участие Р. Рома, Ю. Кривоносов, М. Ушац.

Чрезвычайное происшествие

Л. САМОЙЛОВ

Чрезвычайное происшествие! Человек потерял чувство юмора: обиделся на шутку товарищей. Как ему помочь? →

Друзья обратились в розыск. Он уже давно перестал быть угонным. Сотрудники розыска занимались более приятными делами: помогали геологам, научным работникам и даже композиторам в их творческих поисках. Но в данном случае розыск оказался бессильным. →

— Если вы потеряли зонтик,— сказала работница «стола находок»,— если потеряли терпение в ожидании последнего тома Диккенса или надежду достать билет на межпланетный футбольный матч в «Лунниках», я помогу вам. Но чувство юмора... →

→ Счастливая мысль! — Алло! «Скорая помощь»? Дайте юмористическое отделение. Произошел несчастный случай...

Дежурный юморист приступает к лечению: ←

→ И весь коллектив, где работает пострадавший, следит за ходом лечения по специальному бюллетеню.

Цена номера 30 коп.